

ИНТЕЛЛИГЕНТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ
ПЕРО
РУСИ»

МАГАДАН

Дорогие друзья и уважаемые читатели !

Может быть с опозданием по печати и пересылки, но в очередной раз со страниц этой газеты к вам в гости войдут несколько людей, решивших поделиться с вами своим видением мира, чувствами которые сопровождают человека на всех этапах жизненного пути.

По традиции представляем авторов, работы которых составили этот номер. Всегда тон номеру задает его гость и могу с уверенностью заявить, что этому номеру повезло невероятно. Для газеты большая честь и удача принять у себя Светлану Васильевну Савицкую. В общественной и литературной жизни страны она не нуждается в представлении. В интервью она лишь немного приоткрывает вуаль, отделяющую трепетную душу творца от обыденности повседневной жизни, позволяя читателю лишь немного полюбоваться ее алмазными гранями. Безусловно, это интервью является украшением номера.

По сложившейся традиции мы продолжаем творческий обмен публикациями авторов между нашим изданием и без преувеличения одним из лучших литературных изданий современной России журналом «Северомуйские огни». В этом номере мы публикуем работы трех замечательных авторов. Итак, с работами Виталия Кузнецова, основателя и главного редактора журнала мы уже вас знакомили. В этом номере нашей газеты мы публикуем подборку его стихов под названием «Все это русские картинки». Вчитайтесь в нее, мало кто так ярко, образно и лаконично может сказать о том

Великом и Вечном, что нас объединяет всех в России. Пользуясь случаем поздравляю Виталия с выходом книги и присвоением Почетного звания Академика Крымской Литературной Академии.

Вы сможете познакомиться со стихами Никиты Брагина, умудренного жизненным опытом еще одного из славной когорты авторов «Северомуйских огней». Глубина, отточенность слов, яркие и запоминающиеся образы не оставят равнодушными ценителей настоящей поэзии.

Третьей и самой прекрасной в троице заглянувших к нам «северомуйских» авторов является Евгения Романова. Ценителям тонкого лиризма и изящности поэтических строк – вам сюда! Еще одним гостем этого номера согласился стать Граков Александр. Лучше всего о нем расскажет библиография его работ и я очень горд, что на почетном месте книжной полки стоит его книга с автографом – «Я люблю ангела». Единственная работа под названием «Кижуч», хоть как то связанная с Магаданом предлагается на ваш суд и я рад возможности для вас оценить тонкую и добрую иронию, которая присутствует в ней.

Два других автора, чьи работы будут предложены Вашему вниманию уже печатались в нашей газете. Стихи Владимира Папкевича отдавшего Колыме более двух десятков лет. Все отметины на сердце и в душе, которые появились у него превратились в прекрасные стихи. По широте совей души он делится ими с Вами. Очень прият-

но поздравить его с выходом в свет поэтического сборника Владимира под названием «О жизни простыми словами». Очень много в ней посвящено Колыме, поэтому желающие познакомиться с ней или приобрести бумажную версию могут обратиться на сайт издательства RIDERO.

Мы не перестаем удивляться способности Михаила Сверлова извлекать из хранилищ памяти уникальные факты и события, непосредственным участником которых ему пришлось быть в силу разных обстоятельств. Вот и сегодня с его помощью читателю доведется ознакомиться с действительно историческим событием в спортивной жизни Магадана и о карьере Олимпийского чемпиона по боксу

Александра Лебзяка. Вдвойне приятно повториться и поздравить Михаила с выходом в вышеупомянутом издательстве книги под интригующим названием «Прощальный поцелуй Чукотки».

Отдельно отмечаю дебют в нашем издании с прозой и стихами магаданца Никиты Ионов. Несмотря на молодость и отсутствие большого литературного опыта он своим нестандартным взглядом занимает достойное место среди авторов номера. Пожелаем ему новых творческих успехов! Всем желаем приятного прочтения.

Сергей МАЛАШКО,
соучредитель медийной группы
изданий «Интеллигент»

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ

Люди, знакомые со Светланой в жизни, характеризует ее единым эпитетом – свет...

С творчеством сложней. Можно ли уследить за многогранностью направлений художественных приемов, что использует Савицкая, проявляя этот самый свет?

Уже с детских фотографий смотрит на нас солнечным зайчиком будущий писатель, философ, художник, сказочница, друг очень многих литераторов со всего мира, организатор крупных проектов, меценат создания музеев сказок, кондитер, кукольница, журналист, политик, ученый, артистка, певица, композитор, бард, состоявшаяся многодетная мать, бабушка...

– Светлана, что для вас более близко в творчестве, в жизни?

– Ощущение внутренней песни. Если мои домашние слышали, как я запела, значит, вижу приближающийся результат. Иногда мелодия будит уже утром. И я пою ее весь день.

– В смысле, не важно, чем заниматься живописью или литературой, готовкой, штопанием носков – главное, музыка?

– По Пифагору, это состояние называется «слышать музыку сфер». Говоря образно, наша душа похожа порой на запыленную квартиру, в которой не хочется убираться. Все

там лежит на пыльных полках. Нас устраивает. Но скучно. Одиноко. Даже среди близких людей одиноко! И вдруг, появляется некий солнечный ветер, как вдохновение. И вихрем сметается пыль, и переставляется мебель, и на стенах появляются новые смелые фотографии, холсты...

– Такая революция происходит каждый раз?

– С творцами? Да! Это обновление нового рождения песен, сказок, мифов, детей, обедов и ужинов, юбилеев, встреч...

– Вы сами знаете, как называется все это ваше безумие?

– Магический реализм. Это такой художественный метод, в котором магические элементы включены в реалистическую картину мира. Впервые его обозначил немецкий критик Франц Рох для описания «новой вещественности» жанра живописи. Далее понятие перешло на литературу и повседневность.

– И вы с детства...

– Вот именно. Еще не знала, как это по-научному, но владела на практике, по принципу «руки умнее головы» или «глаза боятся, а руки делают». Редактора изданий долго не могли определить, что же это я им высылаю – притчи, отрыв-

ки романов, повестей, эссе, сказки, рассказы, хроники, истории. Что за жанр? Фантастика? Фэнтези? Мистика? Экстрасенсорика? Философия? Наука, наконец? Мой первый роман «Зачем сгорит Феникс» пропитан магией снов и научных открытий, связанных с символизмом, числами, астрономическими циклическими закономерностями. Романы «Ангел Беды», «Распутай время», «Балканы», «Назови имя Бога» — дышат магическим реализмом, и это, наверное, их объединяет и роднит.

— У вас вышло в разных странах, переведенные на 17 языков мира, более 60 книг. Чем больше нравится заниматься? Фундаментальной литературой? Поэзией? Сказкой? Живописью? Куклой? Семей? Дачей? Наукой?

— Наверное, музыка сфер — это любовь, что нисходит на нас свыше. Как данность. Мы, художники, отрабатываем эту данность. Без разницы как. Вот, к примеру, доколумбовские индейские цивилизации, ацтеки, майя, чибча, инки, или наши дохристианские волхвы проводили ритуалы. Создавали летописи. Танцы. Храмы. Былины. Оставили множество загадочных первоисточников. Уже в произведениях, имеющих индейские корни, будь то написанные самими индейцами, будь то испанскими или португальскими писателями — историками, священниками, солда-

тами, сразу после конкисты, встречаются все составляющие чудесной реальности. Славяне, этруски, будь то ученик Аристотеля Александр Македонский или автор Велесовой книги — превосходно владели такой техникой. Но есть множество современных творцов, использующих данный «вид связи с космосом».

— А вы без магии можете? Свет не угасает?

— Да. Недолго. Суть магии в произведениях, да и в жизни — это как растворенный мед в кипятке. Как быстрые углеводы. Глюкоза. За нею ведь и грибница по земле ползет. Знаете? Опыт ученые проводили. Оставили в пещере кусочек сахара. Когда грибница щупальцами своими до нее добралась, то в другом направлении расползаться не стала, а все силы отдала на сахар. Больше того скажу. В следующем году, грибница не стала распространяться в других направлениях, а вся пошла к тому месту, где в прошлом году лежал сахар. Какие — то грибы! Представляете??? Так тем более наши души. Они не живут без магии! Без света! Ведь само понятие жизни — уже магия! Уже волшебство! А рождение цветка! Вот крокус. Чтобы ему распуститься из-под снега, нужен всего один солнечный день! Один день. Представляете? Сущности планеты — все — имеют достаточно плотную ауру. Светятся. Поют. Исполняют каждый свою земную или космическую мис-

сию. Я жалею только об одном — жизни не хватит рассказать об этом. Но и рассказать мало. На порядок потребуется сил и средств больше, чтобы донести мысль до планеты.

— С целью заработать денег?

— С целью, чтобы заработала мысль.

— В живописи магический реализм — это сюр? Но вы график?

— Пожалуй, больше график. Но сюрреализм тоже очень привлекает. К сожалению, по остаточному принципу. Если бы бог исполнил мою мечту, и размножил душу на тысячу разножанровых творцов, то безо всякого сомнения, одну бы жизнь я посвятила сказочной живописи, доведя ее до профессионального совершенства.

— Ваши кумиры в магическом реализме?

— Лопе де Вега, Петр I, Ломоносов, Суворов, Шекспир, Киплинг, Андерсен, Васнецов, Антуан де-Сент Экзюпери, Габриэль Гарсия Маркес...

— Лермонтов? Булгаков? Дали?

— Нет. Я не приемлю демонизм.

— Гоголь?

— Пожалуй. Но больше все-таки нравится Пушкин, Марк Твен или Рэй Бредбери.

— Ваши сюжеты кинематографичны. О кино мечтаете?

— Денег нет мечтать. Это как мечтать о любви Путина! Сказочники, они ведь безнадежные реалисты!

— Тогда «магически

реально» что планируете на ближайшие 150 лет?

— Долбить тех, кого люблю. Если позволит небо. Завершить роман о навигаторах Беринге и Чирикове. Закончить пьесу о снах. Выпустить научную энциклопедию «Славянский выбор» о символах управления. Еще 25 томов прозы, если найду нормальное издательство. Столько же томов очерков о путешествиях. Издать красивую книгу о Байкале, со всеми ее сказками, рецептами, байками и мистикой, мудростью и особенностями магической реальности. Начала по этой теме также собирать фотоальбом с названием «Магический сад настоящей ведьмы»...

— А магический реализм личной жизни, дела домашние?

— Вы не поверите — как у всех! Магия толкования снов. Реализм вынужденного вдохновения генеральных уборок, названный «Караул! Гости!» Волшебство колыбельных песен. Песен вообще, когда собирается семья. Друзья. Любимые люди. Юбилеи. Рождения. Смерти. Приятие или отторжение энергий.

— Пожелания читателям газеты и сайта.

— Уйти от безволия и беспокойства к истинному счастью творчества.

— По Пушкину?

— Следом за ним.

Владимир ФЕДОРОВ

Владимир Папкевич

*О жизни, простыми словами,
с годами набравшими вес,*

*Люблю разговаривать с вами
– что было, что будет, что есть.*

*Для меня поэзия – самая увлекательная игра, позволяющая
лучше понять происходящее, сказать
о наболевшем или просто
весело отдохнуть от суеты.*

*Обладатель Золотого Пера-2009
и лауреат 10, 11, 12-го конкурсов
Национальной литературной премии
Золотое Перо Руси.*

Рододендроны Синегорья

Рододендроны Колымы
Родней рододендронов юга!
Их, в школе северной зимы,
С лица земли сметала вьюга.

Их исхлестали все ветра,
Их накрывали тонны снега!
Так учат только севера...
Зато потом – какое небо!

Ещё не лето, но – Весна!
Пришла! Воистину, родная!
И свет надежды принесла:
Жить будем! Мама, дорогая!

А им и надо-то чуть-чуть!
Луч солнца и уже – терпимо!
Согрелись ноженьки, и в путь!
Теперь дойдём, хоть до Берлина!

Всё новые ростки встают,
Чтоб бело-жёлтыми цветками
Дать людям праздничный салют
И на высотах лечь венками!

На Колыме не рвут цветов...
Тем более – рододендроны!
На фото видно всё без слов.
Здесь наша память. Здесь мы дома.

Июнь 2017 г.

Золотому фонду Северо-Востока

Дорогие мои горняки,
Закалённые всеми ветрами!
Ваши лица, как те рудники,
Что прославили Север наш Крайний:

За плечами «Кубака», «Луна»,
«Купола», и «Дукат», и «Джюльетта».
И гордится сама Колыма,
Земляков создавая портреты.

Столько правды в суровых чертах,
В этих горных и гордых «ландшафтах»!
И в рассказах о разных чертах,
Что порою встречались вам в шахтах!

Кто не нюхал ту рудную пыль,
Кто не лазил по тем восстающим,
Не поверит, что всё это – был!
Тайны недр открываются лучшим...

Горный мастер. Проходчик. Взрывник.
Отпечатано в грубых морщинах.
Потому что идёт напрямик,
Сквозь гранит – настоящий мужчина.

Сжав до боли в ногтях кулаки,
Я молюсь. Вы не слышите, что ли?
Дорогие мои горняки...
Вы всегда выходите из штолен.

Ноябрь 2012 г.

Я жил там, где умеют мечтать!

Колыма, Магадан, Синегорье!
Для души этот край – рай земной!
А для тела и ад – санаторий
После пытки бескрайней зимой.

А уж летом... вмиг станешь поэтом
От обилия красок и чувств,
Дара речи лишившись при этом!
Ведь мой дом – весь Советский Союз!

«Спящий рыцарь» в бессменном
дозоре
Охраняет Колымскую ГЭС!
Лишь романтики и фантазёры
Кляли жизни за свет и прогресс!

Все прижимы прошли, перевалы,
Растопили душой мерзлоту,
Чтоб энергию ты выдавала!
Чтобы верили люди в мечту!

Чтобы даже колымская трасса,
Каждый метр её – чья-то судьба,
К Чуду Света вела, для контраста
Всем чертям с перевала «Герба».

Синегорцем ведь можно родиться,
И на тридцать лет можно им стать!
Чтоб сказать, в духе славных традиций:
– Я жил там, где умеют мечтать!

апрель 2016 г.

Десять лет без Колымы

Листая памяти блокнот,
Живу своими северами.
Вот первый мой колымский год,
С колючими в мороз ветрами...

Калинин, Спорное, Мылга –
В душе остались чудным эхом!
Нет школы лучше, чем тайга:
Лишь в ней стать можно человеком!

Но это позже, а пока...
Учились, понемногу, все мы.
Боготворили физрука
И не любили теоремы.

Субботники, металлолом,
Макулатура, сбор брусники.
Кульг ГТО. Я выше норм:
В приоритете спорт и книги.

Я помню всех Учителей
И всех друзей шального детства!
Чтоб север стал хоть чуть теплей
И я ему оставил сердце.

Он тридцать лет делил со мной
Хлеб-соль, и радости, и горе.
Дарил рассвет над Колымой
И песню жизни – Синегорье!

Благословенные места!
Колымской ГЭС там чудо света,
Там «Спящий Рыцарь» у моста –
Пост принял и прилёг, в доспехах!

Там, по цепям, уходит ток
В столицу северного края,
Там Колымой учёный кот
Спасал людей, с судьбой играя.

Не спас однажды лишь – себя,
Когда понадобилась помощь.
Как говорится, что ж – судьба...
И среди людей есть «фрукт»,
есть «овощ».

Но «фруктов» больше! И каких!
Я помню всех их, поимённо –
Красивых, сильных, боевых,
В воде, в огне – неугомонных!

Спасатель, плотник, программист –
Не важно, кто ты, важно как ты
И в чём находишь компромисс,
Во время, до, и после вахты.

Располагает к питию,
Зимой бескрайней, Крайний Север.
И много граней бытию
Добавить вправе он, как тренер.

Но ТАМ и чудеса творят!
И не мифические греки!
Сам видел. В минус пятьдесят!
На трассе... Не забыть вовеки.

Там хариус танцует брейк,
Там всё вокруг такого сорта,
Что вольно дышит человек!
Да и звучит старо, но гордо!

Я сделал честно, всё, что мог
Для Колымы, что мне по силам!
Шалил, но в меру – Бог берёт!
Ему... и северам – СПАСИБО!

За тёплый дружеский приём,
За расставанье без обиды,
За память, что, не предаём
Вдали от нашей Атлантиды.

Май 2017 г.

Александр Граков

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ

1. ПО ЗАКОНАМ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ (Повести и роман) 400 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1995 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.; Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.
2. ОХОТА НА КРУТЫХ (Роман) 420 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1995 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.; Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.
3. КРЕСТОВЫЙ БЛЮЗ (Роман) 384 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1996 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.
4. ДИКИЕ ГУСИ (Роман) 448 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1997 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.; Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.
5. БРИЛЛИАНТОВЫЙ ЗАКАТ (Роман) 480 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1997 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.; Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.
6. ВОСКОВЫЕ СЛЁЗЫ (Роман) 400 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1998 г.; Симферополь «Таврида», 2000 г.
7. БОЛЬШАЯ ИГРА (Роман) 400 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.
8. ИСПАНСКИЙ ДЖОКЕР (Роман) 400 стр. Издательство: Симферополь «Таврида», 2000 г.

9. КОДЛА (Роман) 448 стр. Издательства: Москва «КОР», 1998 г.; Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», «Феникс», 1998 г.; Харьков «Грампус Эйт», 1998 г.; Москва «Олимп», «Астрель», «АСТ», 2000 г.
10. КАПКАН (Роман) 384 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.
11. НЕ ДОВЕРЯЙ ПСИХАМ (Роман) 384 стр. Издательства: Харьков «Каиштан», «Фолио», 2000 г.; Ростов-на-Дону «Феникс», 2000 г.
12. ГОРОД ПРОПАЩИХ (Роман) 426 стр. Издательства: Ростов-на-Дону «Проф-Пресс», 1998 г.; Москва «Астрель», «АСТ», 2003 г.; Харьков «Каиштан», «Фолио», 2004 г.
13. ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРЕЛЯНОГО (Роман) 428 стр. Издательства: Харьков «Каиштан», «Фолио», 2003 г.; Москва «Астрель», «АСТ», 2003 г.
14. ТАКОЕ МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ (Роман) 374 стр. Издательство: Ростов-на-Дону «Булат», 2008 г.
15. РОЗЫ НА СНЕГУ (Стихи) 148 стр. Издательство: Ростов-на-Дону «Булат», 2006 г.
16. ПОБЕГ ИЗ РАЯ (Сборник рассказов) 285 стр. Издательство: «Союз Писателей», г. Новокузнецк, 2016 г.
17. Я ЛЮБЛЮ АНГЕЛА (Сборник) 400 стр. Издательство: «Известия» г. Москва, 2010 г.
18. ОПРОКИНУТОЕ НЕБО (Сборник стихов) 214 стр. Издательство: «Союз Писателей» г. Новокузнецк, 2017 г.

А также соучастие в многочисленных альманахах, печатных сборниках, и более двухсот журналистских статей на проблемные темы.

Кижуч

Однажды Сергей Малашко прислал Лексе кижуча. Нет, даже двух кижучей. Из самого Магадана, с оказией. Кижуч это вяленая рыба. Вкусная. А Сергей Малашко – товарищ по Интернету.

Его товарищ по работе Геннадий летел в Краснодар и Серега решил уговорить его, чтобы тот передал Лексе две копченые тушки «краснюка». Бесплатно причем, то есть на халяву.

– Пойми, – убеждал он товарища, – не на горбу ведь везешь, на транспорте. А Лексе может, там рыбы-фосфору позарез не хватает. Ну и что ж, что он на рыбалке днями пропадает. Еще не факт, что он с нее домой что-нить привозит. Да и не факт, что с рыбалки...

А товарища и убеждать не нужно, потому как настоящий, то есть, товарищ. Забрал он молча кижучей да и вылетел на Кубань. А у Лексы, надо ж такому случиться, как раз в день прилета Геннадия жена с сыном наладились в Краснодар – по супермаркету погулять, кое-чего по хозяйству-продуктам прикупить. Поэтому в этот день все получилось, как по маслу – совпали благие намерения, оказия и чаяния. А от Краснодара до подворья Лексы доплюнуть нефиг делать – всего-то 90 км. Но езды минимум два часа. Потому что по этой трассе ВСЕ едут к морю...

Вот и решил он, покуда привезут кижучей этих, спроворить под них классную закусочку в виде печеной молоденькой картошечки, посыпанной поджаренным на свежесжато подсолнечном масле лучком. А к ним прикупить красных сладких помидор. И холодненького, взпотевших бутылках, знаменитого пивка «Новоросс». И ко всей этой красоте – лоснящиеся, янтарно-розовые ломти нарезанной рыбы, только что из холодильника, сочащиеся каплями влаги и вкусно-ароматом. А еще... Подобрать так и не раскатанную до пола губу его заставило треньканье настенного телефона. Шумно втянув аппетитную слюну, Лекса снял трубку.

– Аллё, папаня! – щебетнул в мембране звонкий голосок невестки. – Ты там особо не напрягайся. Я уже накопала в огороде молодой картошки, выдраила ее и загрузила в аэрогриль. Счас ставлю на печь сковороду под лучок. С нерафинированным маслом...

– Не понял! – Лекса за малым трубку из рук не выпустил – благо успел подпереть ею отвисшую челюсть. – Ты что, мои мысли читаешь, Настя?

– Ничего я не читаю, даже книжки некогда полистать, – обиделась невестка. – Просто Серега позвонил (их сын, ее муж) с дороги, что они с мамой уехали за какой-то копченой акулой... катран, кажись...

– Кижуч, – поправил ее Лекса, уныло приплюсовывая в уме к своим двум семейным ртам еще три – сына, невестки и внучки Юльки. Вообще-то, на две тушки выходило не так уж много. – Это рыба такая. Красная.

– Ух ты-и! – восхитилась невестка. – Чё, серьезно красная?... В полемику Лекса вступать не стал, повесил трубку. Все-равно от гостей не отвертеться. Если невестка узнала о кижучах...

И в подтверждение этих мыслей телефон снова залился веселой трелью. Кому веселой, кому набатной. Точно – звонил зять.

– Тесть, ты не волнуйся и собо деньгами там не сори, – сразу предупредил он. – Настя нам уже позвонила насчет катранов этих...

– Кижучей, – обреченно поправил Лекса. – Пива, небось, купил?

– Ага, обрадовано зачастил зять. – «Новоросс», классное...

Короче, еще трое добавились. Зять, дочка и внук Кирюха. Хотя внуку всего два года, это не имеет никакого значения – на дне рождения Лексы родители на тарелку внука всегда накладывают взрослую порцию торта... даже две. Потом, по ходу застолья, эти куски куда-то загадочно исчезают, а Кирюха просит обыкновенной каши. Потом позвонила теща.

– Слышь, зятек, я там слыхала краем уха – тебе с Магадану какого-то копченого крокодила прислали. Мы тут помидорчиков красненьких с грядки... Сто лет не пробовали с отцом кро...

– Приходите, – яростно простонал Лекса, в уме прикидывая, какой из кухонных табуретов самый расшатанный. – Как приедут наши, так и заполняйте. На крокодила...

А гости из Москвы – двое, вообще ниоткуда не звонили. Потому что и так были у Лексы в гостях. Они просто поставили на общий стол еще две тарелки с ножами и вилками.

Кухонный стол пришлось раздвигать. Иначе он не вместил бы всю многочисленную родню – около пятнадцати человек. Среди разнообразия салатов и закусок, привезенных невесткой, дочкой и тещей, островком серебрилось блюдо с нарезанной дольками копченой рыбой. Кижучей ожи-

дала незавидная участь...

– Тост! – зашумел ободренный предстоящим ужином дружный семейный коллектив. – Пусть кто-нибудь скажет тост, под такую-то рыбку...

– Позвольте мне, поскольку это, как бы, целиком мной санкционированное мероприятие, получившее столь широкую огласку, – Лекса привстал, мельком смахнув со щеки непрошеную идилическую слезу.

– Дорогие мои! Признаться, я впервые в этом году вижу нас всех вместе – весь наш дружный родственный коллектив. Да и в прошлые годы мы не так часто собирались настолько полным составом – всегда у кого-то находились срочные неотложные дела. Увы, не вышло собраться вместе, когда я затеял 45 метров траншеи под водопровод – пришлось нанимать в помощь бригаду строителей. То же самое было, когда мы перекрывали крышу дома, перекладывали старый забор на красивую ограду, устраивали гараж и копали септик...

И теперь я понял, что может нас всех объединить за этим семейным столом. Ведь не было бы этих кижучей, не собрались бы мы так дружно, не так ли? А кижучей прислал хороший товарищ из Магадана – Серега Малашко. Поэтому мой тост будет знаете каким?

– Конечно, знаем, – подхватила с места невестка. – За хороших товарищей со стороны, которые присылают объединяющие халявные деликатесы.

– Нет, – поправил ее Лекса. – Просто за хороших товарищей... это, а где кижучи?

На блюде оставались лишь три серебристые шкурки от рыбьих долек. Остальные ломтики лежали у каждого родственника на тарелке. У внука Кирюхи их лежало целых четыре. Лекса растерянно рухнул на свой стул с недопитым бокалом лимонада в руке. Называется, испробовал рыбки!

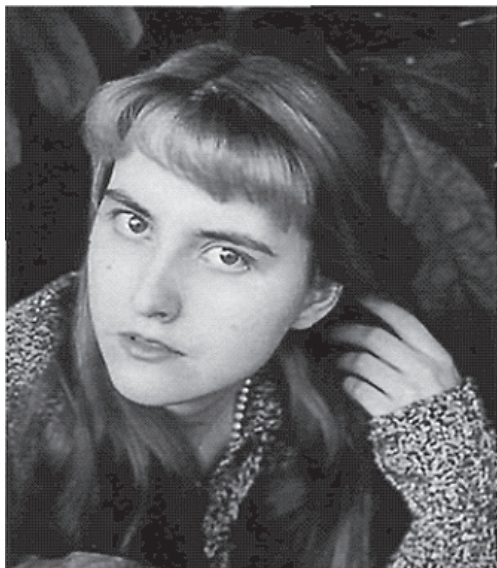
И тут грохнул дружный хохот. В том числе за его спиной. Лекса оглянулся – сзади стояла жена с его тарелкой в руке. На которой золотилась половина очищенной рыбьей тушки... Он вновь весело вскочил на ноги.

– Ну вот, теперь, когда вся рыба уже, так сказать, распределена...

– А поговорить? – хитро скопился на него тесть, выкручивая откуда-то из-под стола пятилитровую канистру виноградной чачи.

– Что ж, поговорим, – согласился с ним Лекса.

Евгения Романова

Родилась в Ленинграде, живет и работает в Санкт-Петербурге. Окончила Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, занимается научной деятельностью.

Кандидат филологических наук (диссертация по теме «Индонезийская поэзия начала 20-х годов XX века», 2009 г.), автор научных работ по культуре, литературе и языку Индонезии, участник международных научных конференций по проблемам литератур Востока.

Пишет стихи и рассказы. Член Международного союза творческих сил «Озарение». Призер Международного фестиваля славянской письменности и культуры «Славянский мир» Номинировалась на национальную литературную премию «Поэт года» Русского литературного клуба.

Рассказы и стихи публиковались в коллективных изданиях на Украине и в России. 8 апреля 2012 года в Новокузнецком издательстве вышел первый сборник стихов «Перекрестье серебряных путей».

Зав отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Полуночный чай

Солнце садится, и чай разливают неспешно –
Терпкий напиток пьянее хмельного вина...
Мудрость веков изливается в чашки небрежно,
Кто-то в беседе всю ночь проведет до утра.

Каждая капля наполнена сладостной негой,
В теле уставшем разлитой блаженным теплом.
Выше и выше душа устремляется в небо
С каждым испитым до дна ароматным глотком.

Плещется в чашке стеклянной душистая тайна,
Искрится крепкий настой, как слеза янтаря.
Чай почитают напитком богов не случайно –
В нем полыхает частица живого огня!

Тело врачуя незримо, душевные силы питаю,
Он просветление мыслям и чувствам дает.
Время неспешно за чаем в тиши коротая,
Можно вести разговоры всю ночь напролет.

Предутренный кофе

Не успеет хмельного рассвета ещё не окрепший пожар
Потревожить лучом золотым шелестящие сонно деревья,
Как над чашкой кофейной всклубится причудливо пар,
Заструится в предутренной мгле аромат вдохновенья.

Натуральный и крепкий, конечно же, только лишь "он"!
Здесь не может быть мнений иных и каких-то сомнений.
Тот, кто ценит изысканность, в кофе хороший влюблен,
В этот пряный соблазн, создающий собой настроение.

Он дурманит своим ароматом, который зовет за собой,
С головой погрузиться в безбрежные волны блаженства.
С каждой каплей вливается в сердце душистый покой,
И душа, позабыв о себе, обретает на миг совершенство.

В этот призрачный час между явью и прерванным сном,
Приоткроем напиток волшебный свои сокровенные тайны.
Тот, кто ценит изысканность, в кофе хороший влюблен
За возможность постичь в каждой капле сокрытое знание.

Храм Лороджонгранг в Индонезии

Однажды влюбился могучий колдун
В царевну прекраснее тысячи лун.
Ей руку и сердце свои предложил,
Сокровища мира к ногам положил.

Царевна по имени Лороджонгранг
С него обещание выстроить храм
Взяла. Пусть управится он до зари,
Чтоб пышную свадьбу сыграли они.

Исполнить желанье колдун обещал...
Он демонов сотню на помощь призвал:
Ему ворожить помогала любовь,
И храм оказался к рассвету готов.

Он путь преграждая могучим ветрам,
Вздымается в небо к седым облакам.
Узоров чудесных на стенах не счесть,
И время ещё у строителей есть.

Волшебную статую Лороджонгранг
Задумал в подарок влюбленный паванг.
Прекрасной царевне ее поднести,
Он хочет, чтоб счастливы были они.

Почувяв неладное, будит скорей
Невеста прислужниц и верных людей.
Мечтает она колдуну помешать
И свадьбу свою непременно сорвать.

Не зная об этом, жених не спешит
И с духами вместе заклать творит.
Они бы управиться к сроку могли,
Но люди проснулись, и духи ушли.

Поняв, как коварна царевна была,
Паванг произнес колдовские слова.
Невесту он в статую в миг обратил
И к статуям прочим ее поместил.

Застыла недвижимо в нише она,
Сменяются месяцы, годы, века...
Возносится ввысь удивительный храм,
По имени названный Лороджонгранг.

Простое про любовь

Ты волною был, я была скалой,
Ты настойчив был, но упряма я.
Ты огнем пылал, ты меня любил,
Своим пламенем обжигал меня.

Ты весельем был, я была тоской,
Ты меня смешил, но грустила я.
Ты был путником, я была звездой,
Ты за мною шел, я вела тебя.

Я была вопрос – ты узнал ответ,
Я была мечтой, ты меня достиг.
Знаю я тебя много сотен лет,
Знаешь ты меня лишь какой-то миг.

Сколько долгих лет ты меня искал,
Столько нам еще предстоит пройти,
Сколько долгих лет я тебя ждала,
Столько нам еще предстоит найти.

Взявшись за руки, мы вперед идем,
Ты – моя душа, я – твоя судьба.
Что бы ни было, мы теперь вдвоем,
Мой единственный, я люблю тебя.

Время шарлоток

Лето к осени скатилось,
Отгулял веселый Спас.
Яблок много уродилось,
Радость вкусная для нас.

Мы шарлоток наготовим,
Чтоб наестся до весны.
Сладких яблок нынче вволю,
До чего ж они вкусны!

С яйцом смешаем сахар,
С содой и мукой взобьем,
И корицы сладкий запах
В наше тесто привнесем.

Яблоки укроем тестом,
И в духовку – выпекать.
До чего же интересно
За шарлоткой наблюдать!

Время славное шарлоток -
Над деревней аромат
Разливается из окон,
Пропитав осенний сад.

Осень

Опустели городские парки,
Листья кленов кружат на ветру,
Серые взъерошенные галки,
Под дождем устроив перепалку,
Вспоминают летнюю жару.

Я брожу по вымокшим тропинкам -
Осень вновь вернулась в Петербург.
Сникли, перепутались травинки,
Тонут парки в серовой дымке,
Мягко поглотившей всё вокруг.

На дворе любимая погода:
Мелкий дождик моросит с утра.
До весны прощается природа,
И звенят у кромки небосвода
В церкви на холме колокола.

Представление «Звук и свет» в Гизе

Зной над пустыней разлит удушающий,
Воздух, кривясь, над песками дрожит.
Глядя на небо, лежит выжидающе
Сфинкс у подножия трех пирамид.

Близко прохлады ночной возвращение:
Полночь коснется белесых вершин.
Тайны Египта сильно притяжение,
Кто-то опять к пирамидам спешит!

Звуки ребаба в ночи потревоженной,
Скоро прожекторы вспыхнут во тьме,
И, шевельнувшись в луче настороженно,
Долгую речь Сфинкс начнет о себе.

Глас его, полный былого величия,
В звездное небо взлетит над землей.
Сменится сонной пустыни обличье,
Будет нарушен священный покой.

Звука и света сплетением причудливым,
Ляжет на древние камни рассказ.
Тьму разорвут над песками услужливо
Ярких прожекторов тысячи глаз.

Зной над пустыней разлит удушающий,
Древняя Гиза в молчании спит.
Глядя на город, лежит выжидающе
Сфинкс у подножия трех пирамид.

Храм Боробудур в Индонезии

В молчании застывший старый храм -
Боробудур таинственный и древний.
Здесь песня ветра громче и напевней
Звучит среди камней по вечерам.

Рельефов бесконечных вереницы
Всё выше в небо манят за собой.
Душа находит истинный покой,
Листая прошлого забытые страницы.

Вершины горные, вздымаясь величаво,
Долину обступили, словно стражи,
Вулканов кратеры, осыпанные сажей,
Дымятся над ущельями устало.

К Боробудуру обратив свой лик,
Здесь Гунадарма дремлет, отдыхая:
Творец свою постройку созерцая,
Покой святыни каменной хранит.

Всё позабыть, что издревле тревожит,
Оковы сбросив низменных желаний,
Освободиться от земных страданий
Душа любая в этом месте сможет.

Здесь умирляют быстрый бег минуты,
Среди скульптур остановилось время.
Зовет пройти по древним галереям
Храм, где застыли каменные Будды.

Недописанные стихи

В звездной россыпи незаметные,
От земных путей далеки,
Спят в сияющей бесконечности
Недописанные стихи.

Шелестят задумчиво рифмами
Средь космической вышины,
Обреченные на молчание
Поэтической тишины.

В суматохе дней позабытые,
Замерев посреди строки,
Были кем-то давно потеряны
Недописанные стихи.

Временами всплывая в памяти,
Поднимаясь из глубины,
Разорвать оковы пытаются
Поэтической тишины.

На границе звенящей вечности
Обстоятельствам вопреки,
Возвратиться еще надеются
Недописанные стихи.

Рыжая девочка

Рыжая девочка, яркая искорка,
Звездных огней беззаботная дочь,
Милый чертенок со взглядом лучистым,
Солнечный свет, ускользающий прочь.

Кто тебя выдумал, рыжая девочка
В час донимающих сердце тревог?
Как отыскать тебя, хрупкая веточка,
На перекрестиях сотен дорог?

Время летит, только ты, как и прежде,
Музыке звезд безраздельно верна.
Рыжая девочка, лучик надежды,
Образ, родившийся в чьих-то мечтах.

СТИХИ

Почему-то только ночью
Буквой к букве,
 строчкой к строчке,
Словно бабочки легки,
 появляются стихи.
Отворяют настежь двери,
 поэтических мистерий
И порхают всей гурьбой
 над моею головой.
Вслушиваюсь то и дело
 в звуки дивного напева,
С музами наедине
 в полуночной тишине.
Надо спать, а мне не спится
Стих на белый лист ложится,
Нарушая мой покой,
 строки манят за собой.
Завернувшись в одеяло,
 забываю про усталость,
Вновь сплетая до утра
 рифмы кончиком пера.

Последний бой чемпиона

(документальный рассказ)

Наконец-то свершилось!!! Он, с третьей попытки стал Олимпийским чемпионом и ему рукоплескал Сиднейский стадион! Такого он никогда не видел и так не переживал, хотя неоднократно поднимался на высшие ступеньки пьедестала почёта чемпионатов Мира и Европы по боксу. Эмоции переполняли его. Когда же заиграли гимн России, а на флагштоке развернулся Российский флаг, и стадион вновь встал, у него запершило в горле и повлажнили глаза. Раньше такой чувствительности за собой он не замечал...

Через два месяца после окончания XXVII Летних Олимпийских Игр в Сиднее Александр Лебзяк приехал в свою, ставшую ему родной, Магаданскую область. Естественно, что была масса встреч с жителями города и области. Ему удалось слетать в покинутый всеми и разрушенный посёлок Буркандья Сусуманского района, где начиналась его карьера боксёра в секции у тренера-общественника Василия Николаевича Денисенко. Но больше всего ему запомнилась встреча с молодыми боксёрами магаданской школы высшего спортивного мастерства имени Валерия Попенченко. Уже в конце длинной и интересной беседы и ответов на вопросы присутствующих поднялся маленький мальчик.

— Александр Борисович, — тихим голосом спросил он, — а Вы турнир Попенченко* выигрывали?

— Нет, дорогой мой, — откровенно ответил Олимпийский чемпион, — турнира Попенченко я не выигрывал.

— Ну, тогда Вы не настоящий чемпион, — сделал неожиданное заключение малыш.

Все оторопели от такого заявления, а потом раздался смех. Но Саша поднялся со своего места, с серьёзным видом прошёл в зал и подошёл к продолжавшему стоять юному боксёру.

— Наверно, ты прав, — неожиданно для всех сказал Лебзяк, — нельзя магаданцу быть настоящим чемпионом, не выиграв турнира Попенченко.

Повернувшись к сидевшему за столом председателю областного спорткомитета, Олимпийский

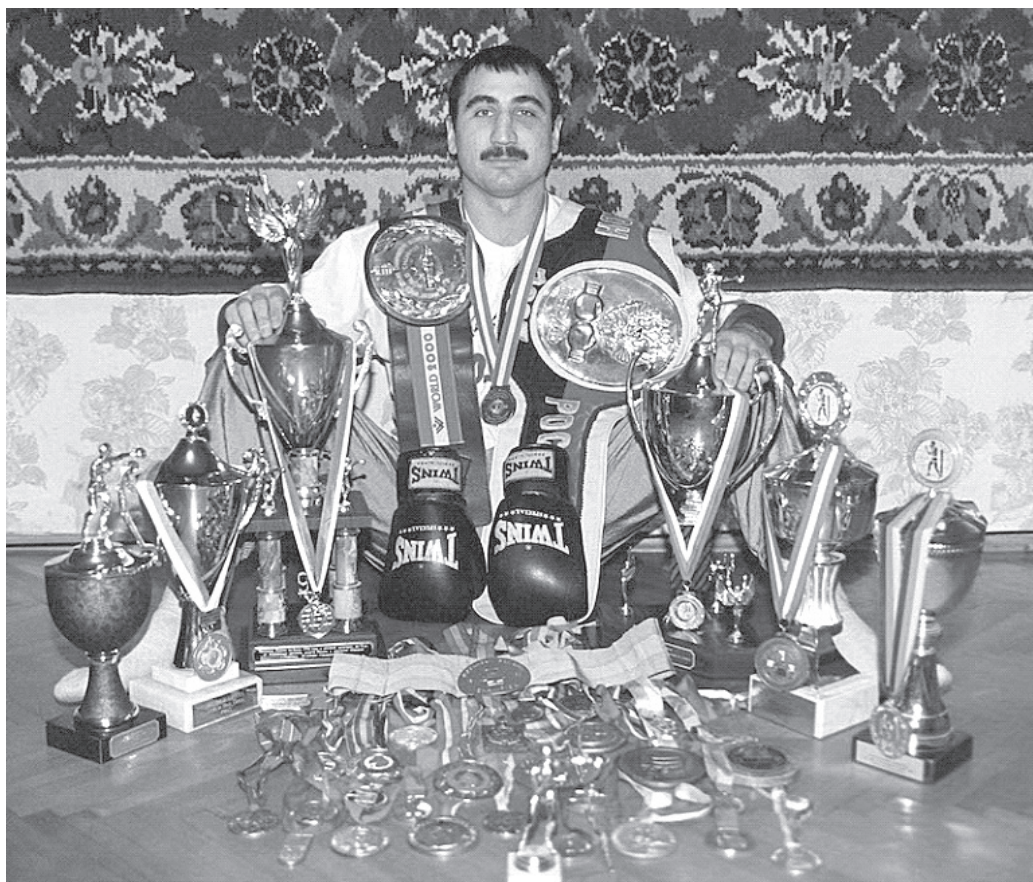
чемпион сказал: «Михаил Николаевич! Я прошу вас внести меня в заявку на участие в очередном турнире Попенченко. Официальную заявку мы с моим личным тренером Геннадием Михайловичем Рыжиковым подадим в установленное положение о турнире время».

Что тут началось в зале. Все повскакали со своих мест. Взрослые аплодировали, молодые боксёры кричали: «Ура!», а совсем маленькие спортсмены обнимались друг с другом. Председателю облспорткомитета с трудом удалось успокоить зал.

— Мы с огромной радостью принимаем твоё, Саша, заявление. Более того, на этот турнир все мальчишки города будут проходить бесплатно.

И снова зал зааплодировал.

Двадцать шестого апреля 2001 года в Магаданском Дворце спорта стартовал XXXI турнир-мемориал на приз Олимпийского чемпиона Валерия Попенченко. Представители четырнадцати регионов страны под звуки спортивного марша выходили в огромный зал и выстраивались вокруг ринга. Бурей аплодисментов встретили зрители команду Магаданской области, в составе которой был заявлен Олимпийский чемпион, чемпион Мира и Европы Александр Лебзяк. Это было его последнее выступление в любительском боксе. Чемпион покидал любительский ринг.

Жеребьевка боёв сложилась так, что Александр ждал своего соперника в полуфинале. В весовой категории до 81 килограмма было заявлено семь спортсменов, и Лебзяк был освобождён от боёв в четвертьфиналах. Но в полуфинале он встретился со своим земляком Константином (фамилию этого спортсмена мы упустили).

Конечно, силы боксёров были не равны, и Александр предполагал провести красивый, техничный показательный бой для пользы молодого спортсмена. Тем более что тренер Константина просил Лебзяка не сильно «наказывать» его подопечного. Однако с ударом гонга Костя, как ошалелый, набросился на Олимпийского чемпиона. Уж что он там себе понавыдумывал, знает только он сам. Может быть, решил шквалом своих атак выбить из колеи Лебзяка, а там – в боксе всё случается – одним ударом решить поединок в свою пользу. Всё-таки солидный вес. Победа над Олимпийским чемпионом...

Саша действительно был в недоумении от такого напора молодого спортсмена. Это никак не вязалось с просьбой тренера Кости побережь боксёра. Тем более что неосторожным движением головы тот рассёк Александру переносицу. Олимпийский чемпион заканчивал свою карьеру в любительском боксе, но в профессиональном его через неделю после турнира Попенченко ждал очень серьёзный бой.

В перерыве между раундами он удивлённо посмотрел в сторону трене-

ра своего противника. Тот демонстративно отвернулся от угла ринга, в котором стоял Александр. Тихая злость стала подниматься в душе Лебзяка. «Развели как лоха, – подумал он. – Ну, Константин, теперь держись. Старших надо уважать!» Раздался гонг, и рефери коротко скомандовал: «Бокс!». Константин снова бросился к чемпиону. Александр сделал шаг в сторону и коротко ударил противника в район печени. Тот охнул и стал падать на пол ринга. Но Лебзяк подхватил «молодца» и практически повесил его на канаты ринга. Рефери с открытым ртом смотрел на разворачивающуюся перед ним картину.

– Считай, – коротко бросил ему Лебзяк, направляясь в нейтральный угол. В зале стояла мёртвая тишина.

– Да чего тут считать? – каким-то громким полусшёпотом произнёс рефери. – Чистый нокаут.

А над висевшим на канатах спортсменом уже трудились тренер и врач. После нескольких минут оказания ему помощи, он с трудом покинул ринг.

Перед финалом к председателю магаданского облспорткомитета подошли руководитель

делегации Хабаровского края и тренер Максима Седых – боксёра, встречающегося с Александром Лебзяком в финале.

– Михаил Николаевич, – обратился руководитель делегации к нему, – поговорите с Сашей, чтоб он помягче побоксировал со спортсменом. Мальчишке только исполнилось восемнадцать лет, и он видел, что сделал Лебзяк с Константином.

– Знаете что, – поговорите с Рыжиковым. Он тренер, он и решит, как Александру построить этот бой.

– Да говорили мы с ним, – вмешался в разговор тренер. – А он говорит, что и вчера его просили быть поосторожней с противником. А видите, как получилось? Травмы-то, мол, Саше зачем.

– Ну, вот, видите, – сказал им председатель. – Если тренер так говорит, то что могу сделать я?

– А вы поговорите с Сашей. Он, говорят, тут среди тренеров Вас очень уважает, – тренер с надеждой смотрел на председателя. – А Максимка будет очень осторожно вести бой. Даю вам честное слово!

– Хорошо! Я попробую поговорить и с Сашей, и Геннадием Михайловичем, но гарантий никаких.

– Да мы понимаем, понимаем, – закивали головами хабаровчане. – Спасибо вам.

– Не за что пока.

Разговор с Лебзяком и Рыжиковым был сложным, но коротким.

– Михаил Николаевич, – Лебзяк пристально посмотрел на председателя, – а если опять как с Костей?

– Значит и финал должен быть таким же, как с Костей.

– А вы хабаровчанам верите?

– Я верю в разум Седых. Ну, не сумасшедший же он, в конце концов. Бой в финале турнира, да ещё с Олимпийским чемпионом – это уже победа для него и память на всю жизнь.

Саша вздохнул и посмотрел на тренера.

– Ну, давайте попробуем ещё раз. Но только ради Вашей просьбы. Если он сразу же проявит агрессивность, я его вырублю. Договорились?

– Нет вопросов, – ответил Михаил Николаевич.

О решении Лебзяка и условии боя было сообщено тренеру хабаровчан.

«На ринг приглашается кандидат в мастера спорта Максим Седых, Хабаровск, синий угол», – раздался под сводами переполненного зала голос диктора. Максим быстро проскользнул под верхним канатом в свой угол. Было видно, как спортсмен волнуется.

«В красный угол ринга приглашается чемпион России, чемпион Европы, чемпион Мира, чемпион двадцать седьмых летних Олимпийских Игр, заслуженный мастер спорта

России, наш земляк Александр Лебзяк!».

Что тут началось в зале...? Народ повскакал со своих мест. Кто-то стал скандировать: «Саша, Саша!» — и весь зал подхватил. Такая обстановка могла сломать и более опытного бойца, чем Максим. Его была нервная дрожь. Михаил Николаевич поднялся из-за судейского столика и подошёл к углу спортсмена.

— Максим! — негромко, но так чтоб его услышал спортсмен, окликнул он Седых. Тот посмотрел на него. — Не волнуйся. Считай, что это для тебя тренировочный бой. Покажи не нахальство и упёртость, а свою технику. Саша тебе обязательно подыграет. Он мастер на такие дела. Покажите красивый и техничный бой. И прислушайся. Он тебе будет подсказывать, что делать. Понял?

Максим согласно кивнул головой. А зал ревел. Александру пришлось поднятыми руками успокаивать зрителей. Так продолжалось несколько минут. Наконец, зал успокоился. Раздался гонг. Команда «Бокс!» — и спортсмены сошлись в центре ринга.

Максим сразу же ушёл в глухую защиту, а Александр, проведя серию несильных ударов, только обозначил решающий удар в печень противника, но не ударил, а сделал шаг назад и прикрыл лицо перчатками.

— Давай, работай! — из-за перчаток скомандовал он Максиму. Тот осторожно, по перчаткам, провёл «двоечку».

— Молодец! — неожиданно услышал он от соперника. — Теперь левый крюк, — Молодец! Правый крюк! Защищайся! — Александр пошёл на соперника. Снова проведя несколько комбинаций и показывая публике, куда бы он мог ударить соперника, открыв его уязвимые места, он перешёл в защиту.

«Смотри-ка, — раздался чей-то голос из зала, — малёк-то наступает!». Громкий смех и аплодисменты были подтверждением того, что зрителям нравилось развитие боя. Закончился раунд и Саша протянул руки партнёру. Тот с радостью протянул свои в ответ.

— Понял рисунок боя? — тихо спросил Олимпийский чемпион.

Максим коротко кивнул. — И давай в атаку иди по резче. Покажи, что ты можешь. Но не наглей. Понял?

— Да я давно всё понял, — прошептал Седых. — Спасибо! Спортсмены разошлись по своим углам.

Второй и третий раунды прошли под несмолкаемую бурю аплодисментов зрителей. Молодой спортсмен активно атаковал защищающегося чемпиона, тот стремительно его контратаковал и тут же уходил в защиту. Удары с обеих сторон сыпались как из рога изобилия, и только внимательный взгляд тренеров замечал, что Александр всё время что-то подсказывал Максиму. Гонг об окончании третьего раунда застал молодого боксёра в атаке. Ни у кого не было сомнений, кто выиграл этот бой. Но Максим побежал вдоль канатов, что-то крича и размахивая руками в перчатках. Он прыгал, потом кувыркнулся через голову. Подбежал к Александру и, обхватив его за талию, вынес на середину ринга.

Там он поднял руку Лебзяка вверх. Затем, отскочив

от чемпиона, вдруг низко поклонился ему в пояс.

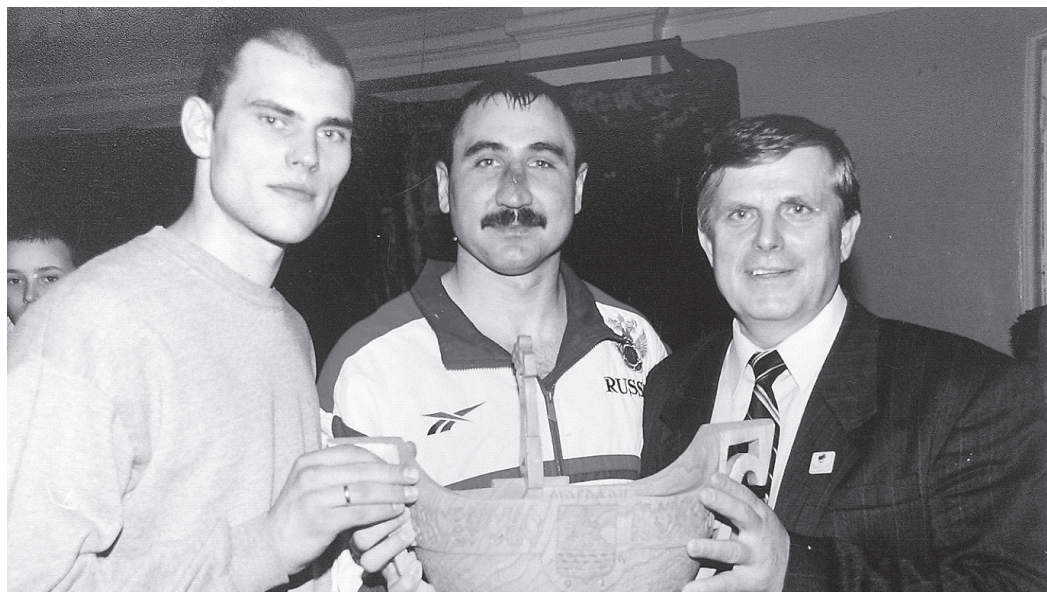
Рефери безуспешно пытался остановить радующегося хабаровчанина, а того поддерживал весь вставший со своих мест зал. Наконец рефери поймал за руку Максима. К нему в центр ринга подошёл из своего угла Лебзяк. Он уже снял свои перчатки, но почему-то нёс их с собой. Диктор объявил: «В этом бою, единогласным решением судей, по очкам победил Александр Лебзяк, Магадан!»

Что тут снова началось в зале! Это трудно передать, а Александр обнял своего соперника и вручил ему свои перчатки. Максим заплакал и побежал в свой угол к тренеру, который обнял его и поцеловал.

А зал приветствовал Чемпиона и... неожиданно затих. Саша встал на колени посередине ринга, наклонился к покрытию и поцеловал его. Это был последний бой Чемпиона на любительском ринге. Он встал. Зал молча глядел на своего любимца. И тут звукооператор включил Гимн России. Саша поднял правую руку к сердцу и стал подпевать звучавшему во дворце спорта Гимну. Зрители потихоньку поддерживали его, а потом запели в полный голос. В магаданском Дворце спорта такое произошло впервые.

* Валерий Владимирович Попенченко — советский боксёр, чемпион Олимпийских игр 1964 года в Токио, двукратный чемпион Европы (1963, 1965 гг.). Шестикратный чемпион СССР 1960 — 1965 годов).

14 января 1971 года в Магадане открылся первый Всесоюзный турнир по боксу на приз олимпийского чемпиона Валерия Попенченко.

Рядом с А. Лебзяком, обладателем главного приза турнира-мемориала В.В. Попенченко, справа — автор, слева зритель — Михаил Сверлов.

Никита Ионов

(15.09.1993 г., г. Магадан)

Учитель русского языка и литературы МАОУ «Лицей ЭБ». Окончил филологический факультет ФГБОУВПО «Северо-Восточный государственный университет» (СВГУ, г. Магадан) в 2015 году. Стихотворения начал писать с 2007 г. Публиковался преимущественно в печатном органе нашего университета – газете «Gaudeamus». Обладатель награды «Лучший журналист СВГУ – 2013». Участник, призер, а также победитель городских и областных конкурсов чтецов. В 2015 году, в частности, занял I место в номинации «Художественное чтение» в областном конкурсе чтецов и исполнителей патриотической песни «Живое слово о войне». В 2016 году завоевал I место в номинации «Театральный жанр» на фестивале творчества работающей молодежи «Открытая сцена» за авторское стихотворение, посвященное 75-й годовщине начала Великой Отечественной войны. «Творческий коллектив Н.С. Ионова», куда входили учащиеся МАОУ «Лицей ЭБ», – обладатель специального приза жюри IV областного фестиваля молодежной культуры «ART-квадрат» в 2017 году. Тематика стихотворений разнообразна. «Каждое написанное стихотворение представляет собой определенную часть мозаики моей души, которую я буду складывать всю жизнь».

Стихотворения

Заглавные буквы

Сыт этой вечной Болью.
Сыт этой тихой Смертью.
И над немой толпою
Листья пронесит Ветер.
«Ветер» – с заглавной буквы –
Смрадом могильным веет.
Что с нами всеми будет,
Если на самом деле
Боль среди лиц случайных
В очередях за хлебом
Будет стоять, плечами
В нас упираясь? Следом
Смерть приютится, ценник
Тщательно изучая:
«Жизнь прожита бесцельно».
Вдаль отправляя чартер
С незаглушенной Болью,
С непогребенной Смертью –
Робко выходим в поле.
Праведный веет Ветер,
Листья несет над нами.
Кружит покой зловещий.
Если б мы точно знали,
Что это все навечно:
Не прекратятся бури,
Мед с каждым годом горше...
«ветер» – с заглавной буквы –
Нет, не с заглавной все же!

Предисловия

«Не склонный ни убеждать, ни разубеждать в чем бы то ни было тех, кто твердо намерен довершить то или иное дело до конца, провозглашаю: дерзайте! Если уж взялись, дерзайте! И совершенно отказываюсь понимать тех, кто, долго выбирая, что бы прочесть, дабы скоротать вечерок, берет книгу, предварительно прочитав о ней уйму отзывов и прочей критической литературы, в нервном напряжении одолевает первые пять-десять страниц и...захлопывает, оправдывая данное решение тем, что, дескать, «не по мне книга» или же куда более дерзким восклицанием: «Мир сошел с ума! Все: читатели, литературные критики – абсолютно все! Эта ерунда не может называться «литературой». А ей и премии выдают!».

Вещь, которую вы держите в руках, – коктейль из оригинальности и дерзости. Оригинальность состоит в том, что это, в общем-то, не совсем то, чего мы привыкли

ждать от любого произведения, а именно предполагающейся завязки (в основе которой, несомненно, – конфликт), кульминации, развязки. Прибавьте ко всему вышеперечисленному какой угодно внятный сюжет, который организуют талантливо выписанные уверенной писательской рукой яркие и запоминающиеся образы, а также волнующую тему сюда же, которая бы будоражила сознание читателей – вот мы и получаем «стандартное» произведение, приносящее издательству, выпустившему его, миллионы (а бывает, и совсем ничего не приносит – одни убытки).

Причины, по которым данную вещь можно причислить к «нестандартным», и относятся к той самой оригинальности, о которой говорилось ранее. В ней нарушен весь порядок, а – вероятно – он и отсутствует вовсе, так как сложно выявить, на чем основана завязка и есть ли она вообще. Полагаю, что и конфликт – пульс любой истории – не до конца прояснен. Он, конеч-

но, присутствует — от этого произведение наполняется, образно говоря, жизненными соками — однако проявляется лишь к середине! А до этого момента можно тысячу раз плюнуть на все и послать автора к чертям, поразившись и, в то же время, придя в негодование от того, как он заигрывает с читателем в первой части произведения (в том же духе он будет продолжать на протяжении всего повествования), как настойчиво испытывает его терпение, провоцируя того, кто хоть как-то пытается разобраться в написанном, перестать морочить голову и диагностировать — удивительно точно диагностировать! — помешательство писателя.

Но не советую торопиться с выводами... Во всяком случае, до того момента, как будет поставлена заключительная точка. Гениальность и безумие, говорят, — соседи по лестничной площадке. Однако Вам решать, что же это на самом деле. Если один скажет, что «полная чушь», другой — что «несвязный бред», третий — «ерунда и пустая трата времени», это совсем не значит, что произведение не заслуживает Вашего внимания».

*Андрей Крестовский,
писатель и публицист*

«Перед читателями произведение автора, чьи позиции в литературе до сих пор не определены. Смею предположить, что этот вопрос не разрешится даже и после того, как будут опубликованы две-три работы его в ближайшем — надо надеяться — будущем. Осознание приходит не сразу. Скажу больше: скептически стоит воспринимать любое признание, являющееся с удивительной стремительностью.

Первое: читательская позиция. Читательская — отмечаю здесь — прежде всего. Что должно отличать писателя довольно посредственного от писателя поистине гениального? Магия — таким будет ответ. Все, что связано с гениаль-

ностью, завораживает и тогда, когда не понятно совсем ничего. Посредственность на такое претендовать не имеет право.

Второе: исследовательская позиция. Где «умирает» читатель, там начинается исследователь (хотя, уверен, некоторые с моей позицией не согласятся: мол, исследователь и есть самый добросовестный читатель, — станут доказывать мне). Интерес чисто читательский, пропадая, порождает желание разобраться в творческом методе писателя, а именно: что не позволило читателю во мне, как говорится, «прикончить» произведение на одном дыхании?

Третье: критическая позиция. Исходит из исследовательской, но не дублирует её. Критическая позиция, в моем конкретном понимании, — это моментальный отклик на прочитанное. Исследователь может изучать одно произведение годами, читать и перечитывать его порой по пять-шесть раз, чтобы постараться не упустить в своей работе ничего. Критику желательнее уловить все моментально и передать это с большей экспрессией. Путь исследований к простому читателю сложен, путь критики — проще. Критик излагает свои мысли по поводу прочитанного в более доступной форме, нежели это делает исследователь.

Четвертое: творческая позиция. Оговорка: не каждому дано. У читателя, исследователя и критика редко возникает желание что-то изменить в произведении, подкорректировать (а если и возникает — то случайно, вдруг — и почти всегда сразу же пропадает). Творческая личность ощущает гармонию на интуитивном уровне. Потому и резкие переходы, ничем не обусловленная избыточность средств художественной выразительности, отсутствие единства стиля и т.д. — все это бросается в глаза тому, кто способен видеть больше, чем обычный читатель, исследователь или критик.

Обыкновенный резонер

«Мораль глупа...» — так говорят, Но говорить, однако, мало. Все в рассуждениях хотят Дожить свой век, им не пристало Слова делами подкреплять. Так что ж, глупа на самом деле Мораль? Но, как Христа, распять Её, конечно, не посмели. Положим, руки коротки — До справедливости добраться, Чтобы в борьбе сгубить-таки, — Вам, лицемерам, не удастся. Известно, совести у вас, Как и всегда, недоставало — В пору сомнений, в трудный час Она помехи создавала. Исчезла, словно атавизм, Ненужный будто бы придаток. На нравственность вы сверху вниз Взираете. Ваш недостаток, Однако, просто распознать — С любовью все в вас затрепешет, Вы захотите лучше стать, Иначе станете на вещи Смотреть, но поздно, может быть, Уж станет — это вам не ясно? Излишне что-то говорить И убеждать вас речью страстной. «Любовь другая...» — говорят, Желая фразою пространной Разрушить всё... Но только рад Борьбе я новой, неустанно Вновь стану правду защищать, Любой ваш довод разрушая. Как можете вы утверждать, Что в наши дни любовь другая? Менялись ценности и нравы, Устои... Да, чего скрывать? Вы в этом, без сомненья, правы — Но на другое указать Позвольте мне: осталась прежней Любовь, такой, как и была, Как раньше, с верой и надеждой, Живет, не принимая зла. Что вы ответите на это? Молчите... Вам и не впервой. Найти достойного ответа Вам не удастся. Новый бой Затеять? С помощью уловок Нечестных можно победить. Но слишком хрупко ваше слово, Чтоб мою правду сокрушить. «Ты в рассуждениях погряз, А нас безвинно попрекаешь. Одно и то ж который раз Без надобности повторяешь», — Кричите вы, но тих ваш крик, Как будто расстояние — вечность. Да возмущайтесь бесконечно Сквозь шум, сквозь немоту иль хрип. Допустим, грозный ваш порыв Хоть и свернет мое забрало! Но... Ваше время не настало — Вы подождите до поры!..

Сердце

Мое сердце все ближе...
 Все дальше, все тише
 Замолкают рассветом
 Неугасшие звезды.
 То, что мысленно шепчешь
 И вслух говоришь ты -
 Опрометчиво рано
 Иль стремительно поздно?
 Необдуманно, странно...
 Многоточье безмерно
 В своем твердом желаньи
 Обездвижить пространство.
 В этом времени рваном,
 Неотчетливо скверном
 Все движенья жеманны.
 Вновь, как будто бы в трансе,
 Мы сорвемся, и плавно
 Разорвет равнодушие
 Изнутри нас. А важным
 Было то, что снаружи...
 Было то, с чем не сладить
 Обезумевшей фальши.
 Мое сердце все ближе...
 Твое сердце все дальше...

Скрипичный ключ

Я обманул скрипичный ключ.
 Я стал ключом от всех дверей.
 Птенцу приносят пищу в клюв.
 Огню положено гореть.
 Ключу положено открыть
 Замок – он для того рожден.
 А я рождаюсь, чтобы быть
 Когда-нибудь таким ключом.
 Скрипичному ключу солгав,
 Ключом от всех дверей я стал.
 И тянется к огню рука
 В надежде, чтобы тот солгал.
 Но он не лжет в который раз.
 Шкварчит обугленная плоть.
 Обманчивая ипостась:
 Боль принося, дарить тепло.
 Отныне я скриплю в замке.
 Дверь больше не надежный страж.
 По окровавленной руке
 Сочится гной, как будто страх
 Уходит прочь. Услышать ложь
 Страшиться вновь резона нет.
 Огня порыв умерит дождь.
 Обман не скроется в огне.
 Неоперившимся птенцом
 Довольствовался тем, что есть,
 Что в клюв кладут. Я был глупцом,
 Нарочно на рожон не лез.
 А то, что было – лишь вранье.
 Я стал ключом от всех дверей.
 Скриплю в замке. Возможно, в нем
 И суждено мне умереть.

Произведение, с которым Вам предстоит познакомиться, меня, как читателя, во-первых, насторожило своей странностью и едва не отпугнуло; как исследователя, во-вторых, привлекло своей необычностью; как критика, в-третьих, застало врасплох неоднозначностью; и как творческую личность (к которым я все-таки себя отношу), в-четвертых, манило переделать абсолютно все.

Какой позиции будете придерживаться Вы – другой вопрос».

*Константин Кормилин,
 доктор филологических наук,
 автор нескольких монографий*

«Есть, наверное, такая болезнь, что человек врет, врет и...остановиться никак не может», – говорит заглавный герой в кинофильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев».

Чего никак нельзя простить любому писателю – так это вранья.

«Грубо говоря, – втиснется со своим уставом какой-нибудь невежа, – всякое художественное произведение есть вранье». Мы же позволим себе поправить эдакого чудака: художественное произведение предполагает «художественный вымысел». От качества произведения же зависит, какое из понятий надобно употребить в этом конкретном случае: «художественный вымысел» или «нехудожественное вранье».

Читая произведения о фантастических мирах, мы, право, редко задумываемся над тем, что, дескать, – нелепо, невозможно; наоборот – верим, верим, если уж написано талантливо. Во всяком случае, пока произведение завораживает нас своей неведомой силой – наша вера в авторский вымысел не ослабевает ни на секунду. Мы как будто чувствуем себя гостями на какой-нибудь доселе незнакомой планете: возможно, задержимся – как знать!

Вранья никоим образом нельзя допускать писателю на страницах своей книги.

Как наличие таланта – есть, наверное, болезнь, так и допущение откровенного вранья вместо «художественного вымысла» автором есть болезнь, но ещё более страшная. Это сравнимо с тем, если бы какая-нибудь юная дева, в грезах своих в качестве избранника представлявшая себе принца на белом коне, на деле получала бы одного коня, хилого и убогого.

Прискорбно, что современных зазнавшихся писателей обличить в откровенном вранье на порядок сложнее, нежели в иные годы. Цепляешься, значит, к их неформальным мыслям; обвиняешь, к тому же, что, вот, господа, написали три сотни страниц – а о чем, простите? – в двух словах, не более! И говоришь им, да ещё так грозно, назидательно: «Судить, дескать, вас будем, всем нашим литературным судом!». А они тебе – «А судьи кто?», не имея представления, кого так невзначай процитировали.

Когда писатель врет – это сразу бросается в глаза.

Вранье ведь – дело мелкое, ничтожное само по себе, а не какое-нибудь значительное. Что бы вы думали: небольшая клякса на огромной, величественной картине мозолит глаз не меньше, чем огромная дырка в полу.

Ниже следующее произведение, которое я не смею дальше как бы то ни было комментировать, – тоже своего рода вранье, если исходить из уже известной логики, заявленной в самом начале. Правда, сумеи кто-нибудь из нас так удачно соврать хотя бы раз в своей жизни, тут же будет окрещен пророком, помноженным на безумца.

В качестве резюме подойдет и следующее: об этом произведении скажут, безусловно, и лучше меня; мое же желание что-либо говорить в дальнейшем, вероятно, готово убить такую капризную мадемуазель, как Интригу, что, в общем, не совсем входит в мои планы».

*Илья Челядинский,
главный редактор журнала
«Литературная авансцена»*

«Бездарей хватает. Хватает и тех, кто осуждает этих бездарей. Навалом критиканов, которые в последующем превращаются в бездарей, чтобы явить нам слог, от которого подступает приступ рвоты. Замкнутый круг.

Литература – полигон для бездарей. Здесь они испытывают заряды своих патологических никчемностей, делая случайных читателей, слепленных из того же материала, что и они сами, жертвами нескончаемых бомбардировок.

К сожалению, это уже давно сделалось нормой. Нормой стала довольно зыбкая грань между шедевром и противоположным ему явлением. Невозможность определить истинное проявление таланта объяснимо засильем бездарей среди тех, кто должен быть в состоянии давать объективную оценку написанному.

Ставшую нормой в нынешних условиях «импотенцию» вроде бы должно компенсировать Время (некая абстрактная величина, расставляющая, как полагают многие, все на свои места). Но и Время по природе своей непостоянно – значит, и непостоянно все то, что именуется нами шедеврами. Замкнутый круг.

Фарсовая выходит картина: критиканы, поносящие бездарей, от которых им и иже с ними тошно, рвутся на собственном опыте показать, как писать полагается, нарываються на те же грабли, что и некогда сами бездари, превращаются затем в подобных бездарей, делая литературу продуктом, непригодным для употребления.

Не в силах вырваться из замкнутого круга, мы с покорностью принимаем то, что нам дается.

В последнее время я все больше убеждаюсь, что критика свелась к пустословию, оно же продиктовано желанием создать некий клон литературы, ответвление от её самой.

Критики – в большинстве своем состоявшиеся литераторы. Или бездари... Как угодно.

По причине того, что, как уже писалось, критика есть преимущественно испражнения бездарей, принимать её (как и следовать ей) пропадает всякое желание.

Не удивлюсь, если на автора, произведение которого предваряет моя заметка, выльется достаточно всякой критики, и он, одержимый ею, последующими работами постарается последовать ей или же опровергнуть основные её положения. Может выйти и так, что критика убьет у него стремление испытывать что-либо на этом «полигоне для бездарей». По-разному может выйти.

Заметка эта, прежде всего, обращена к читателю. Читатель, как писалось уже, есть жертва. Перед тобой очередная потенциальная выходка ещё одного бездаря... или же нечто большее. Говоря точнее – то, с помощью чего иные бездари смогут сполна поупражняться в своей никчемности.

Думаю, читатель, ты примешь это нечто новое, нечто таинственное и влекущее за собой, если убьешь в себе бездаря, глумящегося над литературой».

*Игорь Бедрой,
литературный критик*

«Ломает представления! Крушит! Скручивает в рог! Наставляет рога! Говорят, что нельзя войти в одну реку дважды. Они не читали. И дважды, и трижды... Сначала прочитают, а потом войдут в свою какую-то там реку.

Аплодирую! Смеюсь тому, как ты меня провел, автор. Сначала за руку сквозь гущу перипетий, если я правильно вспомнил нужное слово. Да, именно. Точное определение: перипетий... Потом за нос, черт возьми, за нос, да ещё потешался над тем, как я браню то, что читаю.

Любовь к пунктуации

Ты снисходительно прекрасна...

Ты снисходительно мила

Здесь точек нет,

здесь есть – пространство.

Но и его заволокла

Твоя пленительная дерзость

Неколебимой красоты.

Слепой, я лицезрею взрыв,

Что пелену мою прорезал.

Как пунктограмму в устной речи

Едва сумею передать,

Так и тебя, мой день и вечер,

Моя реальность и мечта –

Не воспою я в дивных красках,

Хоть в них и так по горло влез.

И точек вновь не будет здесь

Ты снисходительно прекрасна

.....

Но читаю ведь... Спасибо, не ожидал. И как хорошо все обставлено. Вроде бардак бардаком, бедлам и прочая неразбериха, а обжился как следует в (как же его... канве!) – и все уже так знакомо, так привычно и, главное, – абсолютно закономерно.

Сюжет, признаюсь честно, не нов. Такой трюк проделывали. Кажется, удивлять читателя сейчас все труднее. По-моему, что-то подобное уже читал... Подобное подобному все же рознь.

Герой – интеллектуал пытается скорчить из себя «недалекого», вроде как подделываясь под других, но в овечке лихо узнают волка – на почве этого автор и срубил немало так хохм! А затем начинает интриговать, хитро мостя дорожку к концовке... Некоторых ждет разочарование, а я, честно признаюсь, нечто подобное ожидал и уже чесал ладони в предвкушении...».

– Нет, уберите! Подобное упражнение в словоблудии никуда не годится! (Андрей Крестовский, далее – А.К. – прим. автора).

– Бездарь, ей-богу. И как он ещё слова вспоминал по ходу своих умственных испражнений... (Игорь Бедрой, далее – И.Б. – прим. автора).

– Это, конечно, мало похоже на предисловие, соглашусь... но... чем не свежий взгляд, спрашивается? После правок, разумеется. «Семь раз отмерь», как говорится (Илья Челядинский, далее – И.Ч. – прим. автора).

– А меня позабавило, если кому интересно. Не терпелось начать редактировать с самого первого слова. Однако те пять копеек, которые у него вышли, во-первых, по-своему оригинальны, во-вторых, ни много ни мало экспрессивны, в-третьих, слегка обаятельны некой инфантильностью (Константин Кормилин, далее – К.К. – прим. автора).

– Поглядите только: «Наставляет рога!».оборот, собственно, ни к селу, я полагаю. С нашим бледным юношей с его – не побоюсь – горящим взором ещё предстоит поработать. Сказано же: прежде чем набить руку, набей основательно голову... (И.Ч.).

– Не припомню, чтобы... (А.К.)

– Так не договорил же, а то чепуха и в самом деле получается. Полезным чем-то набить, основательным, фундаментальным. Основой основ, если позволите (И.Ч.).

– Хорош множить поразительные нелепости! Нам в набор отправлять, а вы бесполезные дискуссии на скисшем молоке разводите. Убираем его! Четырех отрывков достаточно, на мой взгляд (И.Б.).

– Солидарен (А.К.).

– Если спросите меня, то я, как в известной картине «12 разгневанных мужчин»... (И.Ч.).

– Не мое дело, конечно, разубеждать, но, коль уж позволите... (А.К.)

– Мое мнение: оставлять. Понимание придет после. Скажите: почему? Отвечу: разбавляет. Разбавляет весь этот наш приторно-монотонный винегрет. Не был так убежден в подобном совсем недавно, но, пробежавшись глазами по всем имеющимся текстам, резюмирую: охота читать само произведение рискует пропасть напрочь! Это уж поверьте (К.К.).

– Одни бред складывают, округляют да возводят в квадрат, а в итоге получают тот же бред. Стоять в одном ряду с непричесанным дилетантизмом не возьмусь. Хотите – можете мой отрывок не печатать (И.Б.).

– Совсем так, думаю, не опустимся. Я не против, конечно, его включения... правда, после основательной правки (И.Ч.).

– С таким слогом разве что выражать на различного рода малоизвестных сайтах некие (именно что не какие-нибудь, а «некие») впечатления насчет второсортно-третьеразрядной писанины (А.К.).

– Неймется вам, а сами умничайте, петушась друг перед другом. Павлиньими хвостами друг перед дружкой трясся. «Гениальность и безумие, говорят, – соседи по лестничной площадке». Вспоминаете, случаем? А как вам такое: «...сумей кто-нибудь из нас так удачно соврать хотя бы раз в своей жизни, тут же будет окрещен пророком, помноженным на безумца»? Недурно, кажись! А такое: «Все, что связано с гениальностью, завораживает и тогда, когда не понятно совсем ничего. Посредственность на такое претендовать не имеет право»? Смахивает на заявление на политическом диспуте. «Фарсовая выходит картина: критиканы, поносящие бездарей, от которых им и иже с ними тошно, рвутся на собственном опыте показать, как писать полагается, нарываюся на те же грабли, что и некогда сами бездари, превращаются затем в подобных бездарей, делая литературу продуктом, непригодным для

употребления». Как бы язык в узел морской не завязался? Мне как простому читателю не совсем понятно.

У меня полный рот петушиными перьями набит от сплошного потока «гениальных» напутствий. И это называется «предисловие»?

– Черт бы побрал этих антропоморфных никчемностей! Слоноподобное невежество в посудной лавке литературы (И.Б.).

– «Предисловие», по вашему, «приди и убей всякое слово, чтобы оно даже не дернулось, не пикнуло».

– Послушайте, он захламляет нам текст. Предлагаю убрать его совсем. Довольно и того, что есть (А.К.).

– Ума не приложу, откуда он взялся?! (И.Ч.).

– Посмотрите наверху, кто это такой... (К.К.).

– Черт бы... (И.Б.).

– Ну что? (А.К.).

– Я пока не нахожу... может, кто из вас... (К.К.).

– Непрошенный гость даже не удосужился подписаться (И.Ч.).

– До чего же неудивительно, я вам скажу (А.К.).

– Напросился однозначный вывод: безымянный бездарь хуже иных (И.Б.).

– А нам предстоит работа (И.Ч.).

– Проясните (К.К.).

– Надо бы избавиться от этой бесполезной коллекции реплик, включая безымянную попытку нашего гостя (И.Ч.).

– Это безусловно (А.К.).

– А из этого, знаете, вышла бы нетривиальная зарисовка, на мой вкус (К.К.).

– С некоторыми изменениями – возможно (И.Ч.).

– Может, оставим как есть? От этого все равно не убудет (К.К.).

– Нет, уберите! Подобное упражнение в словоблудии никуда не годится! (А.К.).

– Замкнутый круг (И.Б.).

Виталий Кузнецов

Северомуйск, Бурятия

Кузнецов Виталий Яковлевич родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008).

Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Северомуйск, Бурятия, 2008).

За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013).

Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

Стихи и рассказы публиковались в журналах «Сибирь» (Иркутск), «Иркутский альманах» (Иркутск), «Мир жив», «Метаморфозы» (Гомель, Беларусь), «Доля» (Симферополь, Крым), «Журнал ПОэтов» (Москва), «Ренессанс» (Киев, Украина), «ЛАВА» (Харьков, Украина), «Пять стихий» (Горловка, ДНР), «Новый Свет» (Канада), «Крым» (Симферополь), «Иртыш-Омь» (Омск), «Приокские зори» (Тула, 2017), в международном литературно-художественном альманахе «Рукопись» (Ростов-на-Дону), альманахах «Образ» (Москва, 2015), «Литературные страницы» (Германия, 2015/2016), «Манускрипт Крымской литературной академии» (Симферополь, Крым, 2016), «Интеллигент. Русский мир» (2016), «Тарские ворота» (Омск, 2017). Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).

«Всё это русские картинки»

Я хочу рассказать вам, собаки мои,
Про свою непростую судьбу:
Ву-а-ва, ву-а-во, ву-а-ву, — ву-а-ви;
Ву-а-ва, ву-а-во, ву-а-ву-у.
Что же делать? Я — зверь?!
Не о том я мечтал!
Быть мне с вами теперь!?

Это ль в жизни искал?

В глушь, вдали от родных,
Я забился от всех;
Я собачий язык разучил.
...Есть успех!

Признаки России, или русские картинки

Луга. Ромашки. Васильки.
Река. Изгибы. Перелески.
Берёзки. Ивы. Родники.
Россия... Избы. Занавески.

Овраги. Ласточки. Стрижи.
Поля. Подсолнухи. Тропинки.
Покосы. Прудики. Ужи.
Всё это русские картинки.

Дороги. Камни. Ковыли.
Осот. Пустырьник. Лебеда.
Разруха... Вдовы. Бобыли.
Погосты — русская беда.

Кони

Словно ветер над полем носилась,
Не издевал всей жизненной ноши,
Рыжим вихрем металась, кружилась
Молодая, игривая лошадь.
Необузданным был её норов,
Не познала, как видно, кобылка
Гордой стати лихих ухажёров,

Что следили за рыжею пылко.
И не чаяла эта лошадка,
Разыгравшись на свежем лугу,
Что своей молодой статью, гладкой,
Жеребцов вовлекала в игру.

День прошёл. Не тревожились кони:
Тихо-мирно паслись на лугу;
Лошадь рыжая, в свете багровом,
Доверяла судьбу скакуну.

Не захмелею от любви,
Как конь копытом не ударю,
Но, посмотрев в глаза твои,
За дали уведу, за мари.

Срублю кедровую избушку,
Как терем в сказке возведу.

И на зелёной на опушке
Разложим души на виду.

Пусть видят Небо, Солнце, Ветер
Любви чистейшую исподь.
И сохранить на этом Свете
Её поможет нам Господь.

Не страшны ни горы, ни моря.
Не пугают дикие просторы.
Мы с тобою встретились не зря.
Ни к чему пустые разговоры.

Сотворить, любовью вдохновенно,
Главное нам — добрые дела!
Вся другая цель — второстепенна.
Не печалься, милая моя.

Не печалься, милая моя,
Вся другая цель — второстепенна.
Главное нам — добрые дела
Сотворить, любовью вдохновенно!

Ни к чему пустые разговоры,
Мы с тобою встретились не зря.
Не пугают дикие просторы,
Не страшны ни горы, ни моря.

Вдохновение зимы

Зима всегда в начале вдохновенна:
Морозец лёгкий будоражит кровь,
И воздух чистый необыкновенно,
И думать – просто, и писать – готов.

Как с нового листа жить начинаешь.
Вот, кажется, всю жизнь растормошу.
Всё – с белого и чистого начала –
Умом холодным заново спишу...

Но стынет постепенно кровь по жилам,
Зимы морозы крепче с каждым днём.
И хочется уже, чтоб всё, чем жил я,
Осталось прежним, был бы тёплым дом.

Голубкой белою моя взмывает мысль
И вдаль меня уносит – к облакам,
Стрелой будто прорывая высь!

Поднявшись в небо, зависая над землёй,
Отдавшись воле ветра и крылам,
Она парит над грешным бытием.

Как сладок миг свободного паренья!
Прекрасен мысли кипенный полёт –
Сознанием управляет вдохновение.

И тучи пусть сгущает тот же ветер,
И гром пусть над землёй пробьёт!
Но я останусь белой мыслью светел!

Стихи свои укрою под рубашку,
Поближе к сердцу, грелась чтоб душа.
И в мир холодный двинусь без опаски:
Мне путь-дорога будет хороша.

Стихи меня согреют без костра
И напоят водой живую, талой.
И мир ночной мне светел до утра –
От поэтической лучины, даже малой.

Всё чаще думаю о воле:
О жизни мудрой, без хандры,
О светлом волжском чистом поле,
Где возведу свои шатры,
Лишь песней оглашая полночь.

С собой – в котомку – взял бы малость,
В душе – друзей, да горсть стихов.
Не утрашит годов усталость –
Она постигнет без оков,
Без пут словесных прегрешений.

И дни польются словно годы,
Устану я за время их.
И в час, назначенный природой,
Уйду, взметнусь как вольный стих.
Лишь степь аукнет мне в дорогу.

Апофеоз

Заиндевелые ступени
Крыльца старинного хрустят.
Избушка – замок Берендея,
Вокруг – как в древней сказке сад,
Застыл под мантией мороза.

На окнах лебеди-узоры
Алмазной россыпью горят,
И всюду удивленье взорам:
Снег – в алом свете января,
Деревья – в хрустале,
А на кустах – цветут мимозы.

Искрит кристалликами воздух.
Я очарован вдохновеньем.
И чувства позабыли отдых,
Как стая птиц в тот день весенний,
Как дети в первый снег осенний,
Как в театральном представленье –
Когда звучит апофеоз.

09.01.2010.

Страдать, мечтать, изобретать,
Любить, печалиться, лелеять,
Шагать, исследовать, верстать –
Извека на Руси умели.
Ругаться, жечь, рубить, хлестать,
Сгребать, душить, повиноваться,
Завидовать, теснить и жаться
Кто научил Россию-Мать?!

Притяжение звёзд

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле –
Далёких звёзд бредущий веки свет –
Притягивает нас,
как отсветы огней
Костров горящих в древней дикой тьме.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле,
Как блики городов во дне минувшем,
Предстанет нам в ночи
скоплением людей,
Маня нас одиноких и заблудших.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле –
Церковных будто отблески свечей –
Взывает к небесам
и обращает к тем,
Кто в этом мире стал уже ничей.

Снегири

Я давно в тайге – в горах – не видел
Птицу ту, что с грудкой алой зорьки, –
Может, Горный Дух её обидел,
Или вкус рябины слишком горький?

Но однажды я в своём дворе
Прикормил синиц весёлых стайку;
Их слеталось много в январе
У кормушки, сделанной у баньки.

Вслед за ними разные летели,
Осторожно так, тихонько, с краю:
И кедровки, кукушки, свиристели –
С мест глухих, со всех тайги окраин!

Шутка ли – когда мороз за сорок!
И в лесу кормиться нечем стало;

Прилетали шумно, пёстрой сворой, –
Корма, благо, всякого хватало.

Только вот ту птицу – с грудкой алой,
Не пришлось увидеть мне ни разу.
Может быть, тайги вдруг стало мало,
Или ту пичугу кто-то сглазил?

Думал, никогда уже не встречу
Пташку с летней зорькой на груди,
Но надежда крепко веру лечит,
И Господь меня вознаградил.

В день морозный солнце было ясным,
Точно как у Пушкина в стихах,
Вдруг в окно увидел – зорьку красну!
– Это ж снегири!.. Князя из птах!

Сибирские дороги

Асфальт зимы – дороги снеговые,
Укатанные шинами колёс,
Грунтовые: лесные, полевые, –
Их много по Сибири разбрелось.

Присыпало неровности их снегом:
Все ямки и канавки замело,
Сковало так, что можно, паря, смело
По ним проехать в дальнее село.

Застыли топи, и в тайге дорогой
Легли маршрутом зимники-пути;
По ним в распутье ходят только боги,
Но в стужу можно трактору пройти.

Мороз Сибири – верный друг дороги,
Приходит время – он её спасёт,
Откроет путь за дальние отроги –
Туда, куда никто не забредёт.

Ласчка

Сытая, довольная – счастливая,
Рядышком с хозяином, у ног.
Мелкая, скулящая, пугливая –
Не собака, но пока щенок.

Солнца луч весенний греет шёрстку,
Развалилась на террасе – тихо спит
Маленькая ласчка, подросток, –
Пусть не человек, но ум – велик!

Что-то проурчит себе спросонок –
Сон, видать, приснился ей большой.
Спит как человек, как ребёнок,
Господа творение, с душой.

Вот на душе возникла смута,
И повалилось всё из рук.
И взгляд – рассеянный и мутный.
И сердца – нездоровый стук.

Беру свой рюкзачок походный –
В нём котелок, сухарь и чай,
И ухожу тропой в горы:
Природа, вновь меня встречай!

Ласкай, залечивая раны,
И наставляй на верный путь.
Уйду в тайгу я спозаранок,
Там сердце сможет отдохнуть.

Всё станет ясно, жизнь – понятной,
Исчезнут передрыги дней.
И духом, прикасаясь к тайне,
Я становлюсь чуть-чуть сильней.

Никита Брагин

Автор нескольких книжек стихов: Камни, песчинки, потоки. 2005. Лаура дела Скала. Роман в сонетах. 2006. Четыре стихии. 2008. Пятый угол. 2010. Кроме того, печатался в журналах «Российский колокол» (Москва), «Лит-э-Лит» (Москва), «Чайка» (Балтимор, США), «Природа и свет» (Москва), в газетах «Интеллигент», «Графоман», «Про нас», а также в многочисленных сборниках, выходящих по итогам литературных конкурсов.

Член Союза писателей России (с 2011 года). По специальности геолог, доктор геолого-минералогических наук.

Страницы в сети:

www.stihi.ru/avtor/11925364

www.litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=7279

<http://soyuz-pisatelei.ru/index/8-4530>

Путем земли

Памяти зеркальные осколки
Зайчиками блещут на ладони, -
Журавель-колодец у проселка,
На лугу стреноженные кони,
Ива у воды в земном поклоне,
Старый вяз на взгорке за рекой,
Тихий ветер по зеленой кроне,
Словно ласка Божией рукой.

Мы идем по вьющейся дороге
Тихим шагом в солнечные дали,
Покрывает пыль босые ноги,
А в душе – слова твоей печали
Серыми дождями зазвучали,
И стемнело времени крыло, -
Вот и церковь, где меня венчали,
Вот мое родимое село...

Только – ни крестов, ни колоколен.
Редкий цвет среди остатков сада
Опадает, немощен и болен.
Не найти ни радости, ни лада,
И ничто не утешает взгляда,
Только нежит ноги мурава,
Гладит подорожника прохлады,
И шумят устало дерева...

Соль труда, терпения и зерен
Разметали годы по бурьянам;
Только чернозем все так же черен,
Да роса все та же по полянам,
И душа, не верящая ранам,
Снова улетает далеко
В облака за островом Буяном,
Где нетленны хлеб и молоко,

Где не знают голода и брани,
И губам неведома полова,
Где ни слуха, ни души не ранит
Злое и несправедное слово...
Милая моя! С тобою снова,
По росе, по травам, по пыли,
От рождения и до покрова
Мы идем путем всея земли.

Северный крест

На крепость камня, на лохмотья мха,
На белые пески, на чёрный уголь
Поставить перекрестие стиха,
Обозначая совершенство круга
Полярного. Вдыхая высоту,
В осеннем златосумрачном уборе
Найти скалу – подножие кресту
Меж синих губ сияющего моря.

Найти опору и окончить путь,
Раскинув руки поперёк залива,
И благовест в полнеба распахнуть,
Даруя многогласие призыва
Грядущему – остановись, внимай!
Здесь мы рождались, жили и любили,
Он наш, до горизонта, этот край,
В его красе, смирении и силе.

И по граниту трещиной укор,
Когда глядишь, смолкая и старея,
На высеченный в дереве узор
Священной монограммы Назорея!
Не ритуал, не символ, и не жест.
Простым поклоном до земли рукою
На камне сердца воздвигаю крест
Над окоёмом вечного покоя.

Взлет

Заря, и полоса аэродрома
в медовом обрамлении лугов,
как полноцветный разворот альбома
на столике журнальном у богов.
Расчерчено покрытие на соты –
шестиугольники бетонных плит,
блестящая сигара самолета
чревата и стройна, как сытый кит.
Встает рассвет, прозрачный и высокий,
румянцем отражаясь в облаках,
а мёд уже лучится на востоке
и плавится у неба на губах.

Подобно беглецу в китовом чреве,
я улетаю транспортным бортом!
Столицы, задохнувшиеся в гневе,
миры в столпотворении пустом
теряют облики, бесильно тают,
их дым, как ленты траурных венков,
и жажда бессловесная рыдает
обрывками несложённых стихов,
предчувствием не пройденной дороги
в проталинах нетронутых снегов,
и книги, что читали только боги
на солнечных подушках облаков!

Вопреки

Вопреки расчёту и опыту,
Вопреки утверждённым словам,
Понижаю голос до шёпота,
Соразмерного только слезам -
Оттого и чувствую сам,
Что разгладились волны плавно,
Что слепое предстало явным,
И душа покорна стихам...

Вопреки жестокому времени,
Вопреки распорядку зла,
Ухожу следами оленьими,
Талым снегом, плеском весла,
В те края, где песок да зола
На местах покинутых стойбищ,
Где понятно, чего ты стоишь,
Перелистанный догола!

Там костров увядшее золото
Обжигает кровь на губах,
И слезинки вешнего солода
Проступают на бледных створах,
И томятся на чистых листах
Дни любви и декады разлуки!
Миг покоя среди разрухи...
Миг молчания на пирах...

Река

Неси меня, река, на север уноси
извилистым путем вдоль ветреного яра,
к малиновым волнам кипрейного пожара,
в девическую грусть березовой Руси.

Неси меня, река, сквозь нестеровский лес,
промеж холмистых гряд, где удит рыбу инок,
где утренник звенит на хрупких иглах льдинок,
и в облаках заря, как золотой обрез.

И дальше, в холода, вдоль пустозерских ям,
по бледной ширине Большеземельской тундры,
где облака плывут, как снеговые кудри,
и ветер их стрижет и гонит по полям...

Такой простой пейзаж – одна горизонталь,
насколько видит глаз, от моря до заката,
все выражено в нем с открытостью плаката, -
седеющая сталь, безмерная печаль.

И чувствуешь, как жизнь сливается с рекой,
и замедляет ход в извилистых протоках...
Подернулась вода вечерней поволокой...
Туман и тишина, пространство и покой.

Иваново детство

Родниковая, озёрная, речная,
Напои воспоминанием, вода,
В дали детства утекая навсегда,
Капли-образы на щёки мне роняя;
Приголубь меня, лазури глубина,
Опустись на изголовье, тишина,
Упокоенное сердце пеленая.

Слышу тоненькую песню комара,
Вижу, солнце осторожное крадётся
И внезапно отражается в колодце,
Стаей зайчиков бежит вокруг ведра,
И, воркуя переплесками капли,
Струны света заблестели, полетели,
Словно дождика счастливая игра.

Майский вечер, лепестки летят со сливы,
Лён косы течёт на мамино плечо,
Рассыпается и выёсся горячо
Светлой нежностью колышущейся нивы;
И ростки в перине чёрного пласта,
И песчаного обрыва теплота,
И озёр золотоглазые заливы

Просыпаются в колодезной воде
Тихой радостью венка и колыбели,
Трепетаниями ласточкиной трели,
Непослушными ни боли, ни беде...
Всё, что памяти доверчивой так мило,
Невесомо и невинно отразилось
И на небе, и на сердце, и – везде!..

Захлебнусь ли я твоим журчащим даром,
Долгожданным воскрешающим глотком,
Прорасту ли в пепелище я цветком,
Растворюсь ли в облаках летучим паром –
Я с тобою, отцветание весны,
Над которой, как предчувствие войны,
Хмурый запад разгорается пожаром.

Красин

Свежие вешние воды уносят последние льды,
время уходит молча, стирая свои следы,
тихие волны гладят выгнутый черный борт,
вниз по течению шумно: доки, буксиры, порт,
рваные тучи ползут пепельными хвостами.
Все, что у времени выхватим, нашей памятью станет.

Помнишь небесно-белую полночь у Карских Ворот?
Не до красот нам было, время звало вперед.
Вдали, в проливе Вилькицкого, ждали тяжелые льды,
а ключ телеграфа бился дробным пульсом беды.
И слышалось в те минуты – надежда умрет последней...
Звезде Морей отслужили неверующие обедню...

Нельзя забывать молитвы и плавить колокола.
По первой весне зеленеет выжженное дотла.
За все, что мы покидаем, детям держать ответ,
о будущем некому думать, если памяти нет.
И память к нам обернулась и шепотом отвечала –
он больше не выйдет в море, ему стоять у причала.

В минуты горя и страха как хорошо быть с ним,
полной грудью вдыхая чистый ветер весны,
чувствовать мартовский холод, ползущий с карельских болот,
и вдруг понять – раскололся горло сжимавший лед.
Старую сталь бортов ласкают волны весенние...
Ветер уносит годы, память приносит спасение.

Тропа

По медвежьей тропе ты ушла
в талый сумрак ольховой чащобы,
и в росе, ледяной до озноба,
остывала ночная зола,
и просветом пронзительно-синим
открывался воздушный простор,
мир незыблемых красок и линий,
снежных гор черно-белый узор.

Как вода, утекала беда
из ладоней, немевших от боли,
а вдаль задыхались в неволе,
и в разлуке с тобой города,
где, не зная ни слез, ни сирени,
темно-пыльный асфальт площадей
проводил полусонные тени
обреченно спешащих людей.

Но текли первородным вином
время ветра, пространство заката,
и река, повечерем заклета,
догорала в котле ледяном,
отдавая осеннюю негу,
принимая любви наготу,
улыбаясь холодному небу
и распадкам в лилейном цветку.

А тропа уводила назад,
в окаймленную чащей долину,
и выбеливал мокрую глину
проводивший тебя снегопад...
Осыпались разлуки страницы,
золотые листья в седине,
и во сне задрожали ресницы –
это вспомнила ты обо мне.

Осенний пир

Осенний пир, малиново-медовый,
неистощимое вино рябин
и клёнов... только ели, словно вдовы,
в угрюмых платьях. Солнце и рубин
калины горькой – холодеют губы,
поют воображаемые трубы,
издалека бездомно лают псы,
а по листве – смешливый скок синицы,
как росчерк на опавшую страницу.
Невидимая гиря на весы

ложится, торопя ко восходу озимь
и холодом сгущая вечера,
и опадает лепестками розы
созвучие, рождённое вчера,
и чаша опускается всё ниже,
седая мгла на паутину ниже
росу. Я не успел тебя вдохнуть,
вкусил так мало молока и мёда,
повремени, забудь про час ухода,
теки покоем, дай закончить путь.

Лесная тропка в золочёной раме,
и бабочки, летящие во тьму,
послушно откликаются дарами
не для себя, не для меня – тому,
кому идти по чуду первоснега
от талой сини, отразившей небо,
и к ландышам июня... далеко
сквозь будущее, за вином восхода,
что юностью течет по древним водам...
Люби и помни – ясно и легко.

За левым плечом

Тундра меня поднимает вздохом впалой груди,
волны холмов качаются в такт моему шагу,
пять километров прошел – новых десяти иди,
руны снега и камня складывая в сагу.

Сам с собой говорю, шепчу дорогие стихи,
они на сыром ветру тихо стынут и гаснут;
бледно-желтые маки, бледно-зеленые мхи
ползут перед глазами. а сердцу так больно и ясно...

Я ничего не знаю о странах и городах,
я ничего не слышу о близких, далеких ставших,
я ничего не чувствую, только скребется страх
рядом, у самого уха, слышишь, но не достанешь;

тихо-тихо скребется, словно в замке ключом,
словно крыса в подполье, ход к погребам обнаружив;
явственно чую теперь – смерть за левым плечом.
В холоде одиночества ей собеседник нужен!

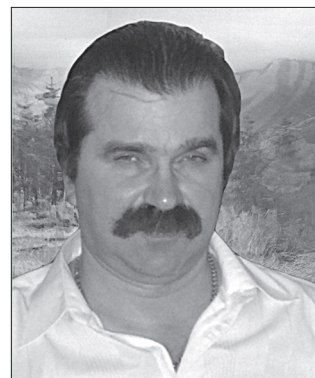
Теперь достаточно вклинить ногу меж двух камней,
опрокинуться, собственным весом кости ломая,
и погаснет мир, и крик захлебнется ожога больней,
и в темноте душа забьется, ослепшая и немая...

Но путь все дальше уводит и страх уже ни при чем –
вот когда понимаешь – твое одиночество мнимо.
Шепчет и шепчет в ухо смерть за левым плечом,
но тихие стрелы ее пока пролетают мимо...

Бледная. сколько свиданий нам предстоит с тобой!
И в итоге к тебе меня приведет дорога...
Но время еще не пришло. Я слушаю голос твой,
шагая линией жизни вдаль по ладони Бога.

Сергей Малашко

Кряк по Лахтачы фаршированный с особым цинизмом.

Утро в «Дачном домике» Сани Лахтака, в более узких кругах известного как

Саня Солидол, началось с понимания того, что этим утром нас поглотила звенящая тишина. Размеренное сопение, доносившееся с его лежанки, было только её составной частью. Взгляд в окошко дал понимание причины поглощения. На грешную землю вертикально летели мириады белых, пушистых мух, пытавшихся начать окраску мира в различные цвета белого.

Метеопрогноз сегодня позорительно оправдывался, и поэтому появлялась робкая надежда на встречу с какой-нибудь подзапоздавшей гусиной стаей.

День обещал новые впечатления, и друженько поднявшись с лежанок, принялись за легкий завтрак, нарушив тишину нашей болтовней, треском дров в печке, шипением газовой плитки и недовольным сопением чайника.

— Серега, ты сейчас собираешься на прогулку по берегу. Есть у меня на сегодняшний день одна голубая мечта. Поможешь? — заинтриговал меня Саня, потягивая чай с горячо любимым сыром.

— Саня, конкретизируй задачу, а то в таком виде она меня немного пугает, — ответил я с неподдельным удивлением.

— Расслабьтесь, уважаемый, я просто хочу сегодня сделать маленький кулинарный алавердец. Ты недавно ввел меня в состояние глубокой последегустационной комы приготовлением гусака в сметанно — бруснич-

ном соусе. Вот и у меня возникла идея достойного ответа, — послышалось в ответ с доброй хитринкой в глазах

— А причем здесь я и твоя голубая мечта? — искренне удивился я. — Бояться ответа нужно уже сейчас?

— Все просто, Для того чтобы она осуществилась мне нужно всего несколько мелких куличков. Встретить их наиболее вероятно на берегу моря. Так что если будет шанс стрелкнуть, мимо не проходи, — продолжал меня удивлять Саня своими задумками.

— Хорошо, если буду проходить мимо, обещаю не пройти просто так, — ответил я на настоятельную Санину просьбу. — Пойду-ка собираться на прогулку.

Вскоре, сообщив Сане куда и насколько ухожу, я направился в мягкую, пушистую снежную пелену, пытающуюся скрыть насколько возможно от человеческого взгляда краски этого брэнного мира.

Прогулка удалась, переполненный впечатлениями от увиденных картин я неспешно возвращался к домику. Снег немного ослаб, открывая на обзор привычные ориентиры. Я уже подходил к тому месту, где можно просто преодолеть прибрежный штормовой завал. Сквозь шум нарастающего прибоя мне послышался приближающийся спереди свист куличков.

— Глядишь, и Санина мечта сбудется, — подумал я, снимая с плеча ствол. — Ага, забавно будет стрелять куличков «Нолевкой»* в контейнерах.

Припоздавшая стайка небольших куличков, тревожно посвистывая, летела плотной кучкой метрах в пятидесяти от берега моря. Я внимательно наблюдал за ними. Кулики протянули над морем, развернулись и со свистом опустили метрах в сорока от меня. Было их не более десятка, они почти полностью сливались с берегом, и мне стоило большого труда различать их на берегу. Вспомнил, что патронов мелкой дробы у меня не было и придется выполнять Санино поручение хотя бы «Единицей». Перезарядился и попробовал разглядеть цель и скучковать куличков хотя бы трех. Как мне показалось они сошлись и я выстрелил. Испуганно засвистев, стайка разом поднялась с берега, пара куличков белыми пятнышками остались лежать на берегу.

— Ну вот, так, наверное, выглядит маленькое Лахтачье счастье, — подумал я, подбирая маленькие пушистые комочки, — Эх, таких пельменей с костями десяточка бы два, и Санина мечта стала бы очень даже классной. Посмотрим, чего он такого удумал.

Уложив куличков в карман рюкзака, в предвкушении разгадки Санино кулинарного ребуса, двинулся к домику. Издалека уже был виден серовато-синий дым из печки.

Вскоре я уже стоял возле домика, пристраивая на гвоздь в стене оружие и рюкзак. Саня был здесь, встречал меня в проходе между

двумя кустами стланика возле домика и излучал полное довольство жизнью. Ведь на вешалке висели пара чернетей.

— Саня, дружище, могу тебе доложить, что твоя разноцветная мечта сбылась.

Вот, как и заказывал, два пельменя с костями, — обрадовал я довольного напарника, показывая свои скромные трофеи. — Сейчас я их быстренько освобожу от пера, опалю и предъявлю тебе в готовом для употребления виде.

Ты же там грозился каким-то страшным блюдом мир удивить.

— Ну, спасибо. Где ты их надывал*? — с довольной улыбкой спросил Саня. — Мы тут, понимаете, уже месяц сидим, и за все это время ни один не попался.

— Я не искал. Сами прилетели, — скромничал я и, не откладывая задуманного, ушел за домик и принялся ошипывать пельмени.

Они были очень жирненькими, и я был уверен, что они украсят или дополнят только Сане известную кулинарную новинку. Снег продолжал падать вертикально, ветра не было, только изредка слышалось легкое шипение от попадавших на печную трубу снежинок. Вскоре эту идиллию нарушило шипение газовой горелки, потрескивание остатков пуха и перьев под пламенем. Кулички покрылись жирком, небольшими капельками стекавшим с них. Освободив их от внутренностей, лапок и крылышек я передал их Сане.

— Вот вам, батенька твоя голубая мечта. Извиняй, что такая маленькая, больше не прилетела и не выросла, — передал я пельмени с костями Сане. — И вообще совсем она даже не голубая, а я бы даже сказал янтарная. — Теперь давай колись, чего ты такого хитрого удумал приготовить?

— Ты же видел, что на вешалке сиротливо висят крик и чирок. Вот его я и хочу приготовить в рукаве с особой фаршировкой, — загадочно и лукаво улыбаясь, и подымливая любимой «Беломориной» ответил Саня. — И вообще сегодня должен приехать Володя С, мой стародавний приятель из Балаганного.

— Дык мы с ним тоже очень давно знакомы. Вот и мне будет напарник водочки под твоего крика припить, — порадовался я хорошей новости.

— А теперь давай колись, ты ведь в рукаве собираешься крика готовить? А что будет играть роль духовки? — начал я пытаться повара.

— Это моя махонькая хитрость. Потом все покажу. Ну а сейчас давай начнем готовить, — и с этими словами он полез под лежанку, доставая один из бесчисленных рюкзаков.

Очень скоро я увидел рулончик настоящего рукава для запекания.

— Послушай, трудно сказать чего на твоей даче нету. Что тебе еще потребуется? — задал я вопрос с искренним уважением и приятным удивлением.

— Есть то, что есть, — довольно улыбнулся Саня, не скрывая чувства гордости за свою на все случаи жизни упакованную «Дачу».

— Ну а теперь выдаю рецепт. Висящего на вешалке и заждавшегося крика будем фаршировать с особым цинизмом, — начал раскрывать свои секреты Саня.

— А с особым цинизмом этот как? — подзавис я ненадолго.

— Это с применением несвойственных для этих вещей инородных компонентов, — продолжал интриговать Саня.

— А это как? — продолжал я немного подтупливать.

— А то просто. Внутри крика кроме лука и специй направляют-

ся чирок, предварительно натертый специями, внутрь его помещается кулик в специях и с луком. Завершается фаршировка крика помещением внутрь еще одного кулика, потрошков от всех птиц и обращаю особое внимание — закрывается все это — пояснично крестцовой частью гусака, которого ты приготовил по своему рецепту. Так уж получилось, что эту часть мне удалось отрезать так, что на ней осталась часть брюшной стенки с жиром, — поделился со мной Саня коварными кулинарными задумками.

— Саня, это чего — то из области — кулинарных изысков или извращений? — приколол я Саню.

Думаешь, я знаю? Приготовим — узнаем, — многозначительно хмыкнув, ответил Саня.

— Чем помочь? Могу лук почистить? — предложил я посильную помощь.

— Ладно, уже, давай, — милостию разрешил Саня, собирая в кучку все имеющиеся специи.

Вскоре три луковицы были почищены и порезаны на кольца, а Саня принялся колдовать над принесенными им криком и чиренком, рядом своей очереди дожидались пельмени с костями.

Получая трудно скрываемое удовольствие, он аккуратно натирал изнутри смесью специй куличка, не забыв положить соли и пару колечек лука и продолжал методично выполнять задуманное.

— Нет, Лахтатья твоя душа, я так больше не могу. У меня душа давно стопарика просит, глядя на такие приготовления, — решил я снять возникающее внутреннее напряжение.

Благо осуществить задуманное было предельно просто — на окне стоял початый пузырек хорошей водки, а проверенные годами стальные стопочки находились на рассто-

янии вытянутой руки, как, в общем-то, водка и необходимая закуска.

Саня с довольным сопением завершал предварительную подготовку исторического события – рождению нового и не побоюсь так сказать супероригинального блюда.

А я не спеша принял стопарик, закусив его хрустящим маринованным огурчиком.

– Ну вот, вроде бы все, – подытожил Саня окончание предварительного этапа приготовления, любуясь лежащим на широком блюде готовым к помещению в рукав полуфабрикатом, – Вот только сейчас из мельнички смесью специй все это покроем снаружи.

Вскоре таким хитрым способом нафаршированный крик был уложен на кусок пищевой алюминиевой фольги и помещен в рукав, завязанный с двух сторон, и прекратил распространять волнующие запахи букета специй.

На улице по-прежнему шел снег, никто не беспокоил нас с небес, но это совсем не расстраивало.

– Саня, идея блеск, все остальное мне понятно. А вот с духовкой как? – пытал я повара.

– Хм, а здесь опять маленькая фишечка. Пробовал всячески, но в итоге остановился на этой. Сейчас покажу, – не стал он уклоняться от прямого ответа и опять начал поиски под своей лежанкой.

Очень скоро на свет Божий был извлечен металлический параллелограмм, без одной стенки с приваренной рукояткой. Ориентировочные размеры 50*35*25 см, толщина металла не менее 2 мм. Он по всей видимости должен был сыграть роль духовки.

– Зацени, – коротко произнес Саня, установив свое творение на печку.

Все сразу же стало понятно. В противне или в сковороде блюдо ставится на печь и закрывает-

ся этой «Духовкой», ну а дальше трудится знаменитая печка.

– Послушай, теперь осталось до готовности не захлебнуться слюной, но есть у меня смутное предчувствие, что получится нечто очень даже вкусное, – предположил я.

Саня гордо и молча, глядел на промежуточный результат своего труда. Обреченный крик затаился в рукаве в ожидании аутодафе. В рукаве для выхода пара проделали пару дырок лежащим на столе ножом.

– Что делать будем? – задал я риторический вопрос. – Я вообще-то предлагаю вызвонить Володю, и уточнить когда он придет. Мы ведь сможем приготовить крика к его приезду?

– Да запросто. Сейчас все выясним, – ответил Саня и принялся набирать Володин номер.

– Короче будет он часа через два, а значит, через часик подкидываем дровец и начинаем процесс, – скаламбурил Саня.

Я выглянул в окно, там ничего не изменилось, так же не торопясь, медленно и величественно летели на землю предвестники наступающей зимы. Мы уже смирились с тем, что сегодня нам не удавалось увидеть гусей.

Разве может это сильно расстраивать, когда за стенками домика глазу открывается такое величие.

В назначенное время, загадочно улыбаясь, Саня подошел к печи, открыл довольно замысловатую дверцу на печке и подкинул сухих дровец. Печка плотно затрещала и вскоре от нее начало распространяться сильное тепло.

– Ну, с Богом, – произнес Саня и водрузил на печь сковороду с обреченным на заклятие криком. Сразу же прикрыл все это своим изобретением.

Печь интенсивно отдавала тепло и очень скоро из под нагретой «Духовки» стало раздаваться характерное потрескивание.

– Саня, ты можешь представить, что сейчас получится? – задал я довольно своевременный вопрос.

– Пока нет. Но думаю вполне съедобно, – с неподдельной надеждой ответил повар. – Хотелось, чтобы кулинарный аллавердец тебе, не обернулся кулинарным ездецом.

– Да ладно тебе, успокойся, не рви себя. Приляжь на лежаночку, помассируй ею бока. Ведь теперь все делает печка и самая лучшая помощь для неё просто не мешать, – успокоил я излишне обеспокоенного повара.

Время плавно текло, приближая два события – готовность фаршированного с особым цинизмом крика и Володин приезд.

Очень скоро усиленный стенками домика послышался звук работы лодочного мотора.

– Володька едет, кого еще в такую погоду нелегкая понесет, – с теплотой в голосе произнес Саня. Он тоже давно был знаком с ним и тоже был рад предстоящей встрече.

Я вышел из домика и попытался увидеть в бинокль идущую лодку. Она выплыла из снежной пелены и упорно двигалась в нашу сторону.

– Пойду, как я встречать Володю на мысу, – сообщил Саня, прихватил оружие и направился выполнять задуманное.

Я подошел к месту, куда будет причаливать Володина лодка и ждал, пока он не спеша подходил к берегу. В нужный момент он выключил двигатель, и лодка мягко ткнулась в берег. Я сразу же придержал её и немного под-

тянул.

– Ну, здорово, нахтачники! – с широкой улыбкой поздоровался гость, подавая вместительный рюкзак и изящную «BINELLI».

Он покинул лодку, отбросил якорь на сушу и вскоре мы двинулись в домик. По дороге я рассказал Володе о предстоящем нам втором испытании – дегустации плода Саниной кулинарной мысли. Гостя трудно было чем-то удивить в части блюд из дичи, но то, что нам предстояло отведать, требовало особого внимания.

Мужики поздоровались как старые друзья, до момента начала дегустации оставалось уже не много. Мы старательно готовились к этому – стол был накрыт.

– Саня, как ты думаешь, пора? – задал я сакраментальный вопрос.

– Около часа все это потело в духовке. Предлагаю рискнуть, – решительно произнес Саня, надел верхонки, снял духовку и перенес сковородку на стол.

В сковородке лежал, несмотря на проделанные в рукаве дыры, раздутый рукав, покрытый изнутри капельками влаги, содержимое было скрыто белым паром, что не позволяло его увидеть.

– Сейчас что-то будет, – сказал повар и ножом разрезал пленку рукава и освободил содержимое от неё.

Как только пленка была разрезана, домик задохнулся от волны заполнивших его ароматов. Слившиеся воедино ароматы трех видов дичи, лука и специй произвели эффект разорвавшейся бомбы. На дне сковороды скопился янтарно-светло-коричневый сок, смешанный с гусиным и утиным жиром, на ставшей темно янтарной коже крика были заметны

красноватые и зеленые крапинки специй.

Каждый из нас за прожитые годы мог попробовать много и разных блюд из дичи, но с ассорти, приготовленным таким способом столкнулись впервые.

Немного обалдевший от удивленного и понюханного, Саня порезал на кусочки вначале крыка, затем чиренка, чтобы каждому можно было оценить контраст вкусов. Перед тем как приступить к дегустации он еще раз одобрил блюдо свежемолотыми специями из привезенной мной мельнички.

– Мужики, так дальше продолжаться не может. Это требует немедленного уничтожения, – не выдержал я кулинарной пытки и наполнил два стопарика. Саня держал наготове баночку «Балтики 0»

– А вот это правильно, давайте за встречу, – предложил гость незамысловатый, но такой емкий тост.

Приняли не сговариваясь, взяли на закуску по кусочку крыковой грудки с янтарной кожицей. Мясо получилось мягким, сочным вкусом жирной кожицы это было блюдо для избранных

– Да уж!! Нет слов – одни слюни. Короче, давай еще по одной, – предложил я без задержки и наполнил стопарики. – Только закусываем в этот раз кусочками чиренка.

Задуманное выполнили сразу же, насладившись другим вкусом. Третью закусывали кусочками куличков.

Как-то само собой получилось, что первый пузырек благополучно стал пустым и переключе-

вал под стол. Появился второй и мы с Володей вели борьбу на два фронта – с содержимым пузыря и сковородки. Нам втроем было о чем поговорить на Саниной даче. В итоге победили и то и другое, вымакали хлебом жир в сковородке досуха, косточки обглодали лучше любых барбосов. Абсолютно трезвый Саня с доброй улыбкой наблюдал за нами, будучи уверенным в том, что мы знаем меру и не будет никаких глупостей.

– Нет, Лахтатья твоя душа, ты все же кулинарный садист, – наехал я на Саню, припавая ароматный чай с лимонником.

– Я то чего, я до сих пор не могу отойти от диверсии, устроенной тобой намеренно, – оправдывался Саня.

– А можно поподробнее? – спросил Володя.

– Это злодей приготовил гусака в сметанно-брусничном соусе. По степени разрушительности мой крик выглядит немного слабовато. Есть над, чем поработать, – отнекивался Саня.

– Мужики, было бы здорово еще раз повторить нечто подобное в том же составе. Есть у меня смутное предчувствие, что это у нас получится. Думаю из чего приготовить добудем, ну а приготовить у нас есть кому, – поделился я своими коварными мыслями.

– Хм, очень дельная мысль, скажу я вам, господа нахтачники, – согласился со мной хозяин «Дачи».

Пусть будет так!!!!!!

23.01.17 г. Магадан

Надыбал* – жаргонизм.
Трактовка «Нашел»